

1986

Л. Петражицкій.

ОБЪЯСНЕНІЯ ПРОФ. СЕРГѢЕВИЧА

ПО ПОВОДУ ЕГО КРИТИКИ.

10163 208 нр.

СПБГУ

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъячская, 39.
1910.

Д. Петрович

ОБРАЩЕНИЕ ПРОФ. СЕРГЕВНА

ПО ВОПРОСУ ЕГО НАПРАВЛЕНИЯ

КОПИЯ
КАРНИЕТ
В. Ж. К.

1917

1917

1917

I.

Въ № 9 Журн. Мин. Юст. (стр. 152 и сл.) за 1909 г. была напечатана моя статья: «Критика моего Введенія въ изученіе права и нравственности, написанная проф. Сергѣевичемъ». Эта статья представляет разборъ названной въ заглавіи ея критики, содержащейся въ статьѣ (Ж. М. Ю. февр. 1909 г.) и брошюрѣ проф. Сергѣевича: «Новое ученіе о правѣ и нравственности»¹⁾. По своему содержанию, моя статья сводится къ противопоставленію критическимъ тезисамъ проф. Сергѣевича документальныхъ данныхъ, въ частности подлинныхъ текстовъ, наглядно показывающихъ, что положенія проф. Сергѣевича основаны на не соответствующихъ дѣйствительности фактическихъ сообщеніяхъ относительно моихъ научныхъ тезисовъ; ни одного возраженія по существу, противъ подлин-

¹⁾ Она вошла, въ качествѣ первой части, въ составъ моей изданной недавно брошюры: „Новое ученіе о правѣ и нравственности и критика проф. Сергѣевича“, содержащей въ себѣ также разборъ и критики моей „Теоріи права“.

наго содержанія моихъ ученій, ¹⁾ въ критикѣ проф. Сергѣевича я не нашель, а дѣло сводится всецѣло къ приписыванію мнѣ разныхъ несообразностей вопреки ясному, совершенно иному, тексту моего изложенія.

На эту мою статью проф. Сергѣевичъ отвѣчаетъ въ статьѣ: «Мой отвѣтъ г. Петражицкому» (Ж. М. Ю. 1910. № 2, стр. 101—128).

Его статья представляетъ попытку оправданія и объясненія его первоначальной критики.

Прежде всего въ общемъ введеніи «отвѣта» предлагается общее объясненіе происшедшихъ недоразумѣній. «Все дѣло въ ошибкахъ пониманія», говоритъ проф. Сергѣевичъ (стр. 101). «А ошибаться можетъ всякій, и г. Петражицкій, и я».

Я самъ искренне радовался бы, если бы можно было принять такое объясненіе. Къ сожалѣнію, какъ явствуетъ изъ содержанія моего разбора критики проф. Сергѣевича (или, что то же, изъ сопоставленія сообщаемого проф. Сергѣевичемъ въ его критикѣ съ подлиннымъ текстомъ моей книги) и подтверждается въ полной мѣрѣ и содержаніемъ его «отвѣта», такое объясненіе въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнимо; оно совершенно не соответствуетъ фактическимъ обстоятельствамъ.

Дѣло идетъ вовсе не о различіи взглядовъ и не о возможныхъ ошибкахъ въ пониманіи этихъ взглядовъ, а о сплошномъ рядѣ неправильныхъ чисто фактическихъ сообщеній, вообще о построеніи всей критики на почвѣ примѣненія недопустимыхъ полемическихъ приемовъ.

¹⁾ Если не считать частныхъ замѣчаній по поводу опредѣленія понятія эксперимента (ср. ниже)

Это мнѣ пришлось обнаруживать не путемъ противопоставленія взглядамъ или толкованіямъ проф. Сергѣевича своихъ взглядовъ или толкованій, а, какъ уже упомянуто, просто противопоставленіемъ его фактическимъ сообщеніямъ дѣйствительныхъ фактовъ съ документальными подтвержденіями, приведеніемъ подлинныхъ текстовъ, указаніями *рядовъ страницъ*, гдѣ говорится прямо противоположное тому, что сообщаетъ проф. Сергѣевичъ, и т. д.

Вообще фактическое положеніе таково, что придумать какое-либо дѣйствительное (соотвѣтствующее фактамъ) объясненіе и оправданіе представляется совершенно невозможнымъ.

Но проф. Сергѣевичъ, считавшій возможнымъ написать то, что содержится въ его брошюрѣ (и статьѣ), психологически естественно считаетъ возможнымъ и дальше полемизировать и объяснять и оправдывать свои тезисы.

Построено его объясненіе путемъ комбинированія двухъ приемовъ защиты:

Первый состоитъ въ томъ, что проф. Сергѣевичъ начинаетъ дѣло сообщеніемъ о содержаніи своего первоначальнаго (неправильнаго) сообщенія о содержаніи моего ученія и о моемъ несогласіи съ его тезисомъ, обходитъ молчаніемъ мои возраженія, тексты и вообще фактическія данныя, свидѣтельствующія о неправильности его сообщенія, указанія на совершенныя имъ замѣны словъ и понятій и иные неправильныя приемы, и затѣмъ вторично обосновываетъ свой первоначальный тезисъ съ помощью тѣхъ же средствъ, которыя онъ уже примѣнялъ въ первый разъ, съ помощью тѣхъ же подмѣновъ понятій, тѣхъ же сообщеній вопреки подлинному тексту и т.

д.,—какъ если бы объ этомъ уже не было разговора, какъ если бы въ моей статьѣ не было соотвѣтственныхъ опроверженій, текстовъ, выясненія приѣмовъ и т. д. Т. е. первый приѣмъ состоитъ въ уклоненіи отъ отвѣта и замѣнѣ его воспроизведеніемъ прежнихъ неправильныхъ сообщеній. Второй приѣмъ состоитъ въ признаніи (по большей части лишь косвенномъ и для читателя незамѣтномъ), что, дѣйствительно, у меня говорится то-то (иное, нежели онъ прежде сообщалъ), но съ оговоркою, что это—непоследовательность съ моей стороны; не въ томъ дѣло, что у меня говорится, а въ томъ, что я «долженъ» былъ бы говорить. Т. е. и здѣсь проф. Сергѣевичъ уклоняется отъ отвѣта, отъ объясненія, почему онъ утверждалъ наличность несуществующаго или отрицалъ наличность существующаго, а вмѣсто этого, мѣняя тему, разсуждаетъ о томъ, что, по его мнѣнію, мнѣ слѣдовало бы говорить.

Для читателя, который бы возымѣлъ подозрѣніе и произвелъ провѣрку «отвѣта» путемъ сопоставленія объясненій проф. Сергѣевича съ соотвѣтственными частями моей статьи, все было бы ясно, ему стало бы очевидно, что въ отвѣтѣ проф. Сергѣевича именно нѣтъ отвѣта. Но въ качествѣ статьи, предназначенной для широкой публики и рассчитанной на средняго читателя, отвѣтная статья проф. Сергѣевича не лишена цѣлесообразности въ направленіи, желательномъ для автора ея.

II.

Часть первая «отвѣта» проф. Сергѣевича представляетъ попытку оправданія его критики моего методологическаго введенія въ изученіе права и нравственности.

Въ своей первоначальной критикѣ проф. Сергѣевичъ для обоснованія положенія, что мое методологическое ученіе является только въ томъ отношеніи новымъ, что оно отличается односторонностью, избралъ для критики § 3 Введенія, содержащій сообщеніе общепринятыхъ положеній объ изученіи конкретныхъ психическихъ явленій (не оспаривая и вообще обходя молчаніемъ новыя методологическія ученія, содержащіяся въ §§ 4—6 Введенія) и сдѣлалъ неправильныя сообщенія относительно содержания этого параграфа.

А именно, не оспаривая необходимости психологическаго изученія для пониманія права (что, по его сообщенію, не новость, такъ какъ этимъ занимались уже древнѣйшіе греческіе философы, софисты, Сократъ, Платонъ и т. д., стр. 6 брошюры, стр. 4 статьи) ¹⁾, проф. Сергѣевичъ утверждалъ, что я, въ качествѣ новости, объявляю единственно возможнымъ способомъ изученія психическихъ явленій, въ томъ числѣ права, методъ внутренняго наблюденія, самонаблюденія, интроспективный методъ, т. е. не допускаю («авторъ, значитъ, не допускаетъ») «изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики» (6), что, конечно, необходимо для изученія социальнo-психическихъ явленій, въ томъ числѣ права; и, такимъ образомъ: «Если есть что либо новаго въ предлагаемомъ авторомъ способѣ изученія правовыхъ явленій, такъ это его односторонность только» (тамъ же).

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ я называю страницы брошюры. Въ статьѣ соотвѣтственныя числа на 2 меньше

Въ то же время проф. Сергѣевичъ утверждалъ наличность въ моихъ книгахъ противорѣчія по этому вопросу; а именно, онъ сообщалъ, что на стр. 406 моей «Теоріи права» онъ нашелъ мѣсто, въ которомъ «хотя мимоходомъ и въ скобкахъ» говорится иное, а именно упоминается о соединенномъ методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія при изученіи письменныхъ памятникѣвъ.

«Надо полагать»,—указывалъ по этому поводу проф. Сергѣевичъ,—авторъ не очень внимательно обдумалъ свои новые методологическіе приемы: когда онъ писалъ Введеніе, онъ еще не зналъ, что придется сказать въ «Теоріи» на стр. 406 о томъ же вопросѣ» (стр. 5).

Въ дальнѣйшихъ частяхъ своей критической брошюры и статьи проф. Сергѣевичъ упорно повторяетъ по разнымъ поводамъ, что я единственно возможнымъ приемомъ изученія психическихъ явленій, въ томъ числѣ права, признаю самонаблюденіе и упрекаетъ въ фактическомъ примѣненіи только этого, недостаточнаго, приема.

Конечно, если бы сообщенія проф. Сергѣевича соотвѣтствовали дѣйствительности, то моя методологія изученія конкретныхъ психическихъ явленій не выдерживала бы критики, и представляла бы не только нѣчто «одностороннее», какъ выражается проф. Сергѣевичъ, а вообще методологическій абсурдъ (повторяю выраженіе, примѣненное въ моемъ разборѣ критики проф. Сергѣевича на стр. 153, ср. ниже).

Но дѣло въ томъ, что фактическія сообщенія проф. Сергѣевича рѣзко и поразительно противорѣчатъ дѣйствительности.

Я не только нигдѣ не отвергаю внѣшняго наблюденія, «изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій», но прямо указываю въ томъ же § 3-мъ Введенія, о которомъ говоритъ проф. Сергѣевичъ, и дальше во множествѣ мѣстъ Введенія и «Теоріи» (а не только на стр. 406 «Теоріи»), на необходимость этого изученія; главное содержаніе § 3 Введенія именно и состоитъ въ подробномъ изложеніи правилъ этого изученія подъ именемъ «соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія» (появляющагося якобы впервые на стр. 406 Теоріи).

Установивъ въ началѣ этого § общепризнанное и само собою разумѣющееся положеніе, что, за отсутствіемъ у насъ способности видѣть, вообще наблюдать то, что происходитъ въ чужой душѣ, нашему наблюденію (наблюденію, а не изученію вообще) доступны лишь наши собственные психическія переживанія, и потому единственнымъ методомъ наблюденія психическихъ переживаній является самонаблюденіе, для изученія же чужихъ психическихъ переживаній приходится обращаться къ другимъ средствамъ и приемамъ, я затѣмъ подробно изучаю эти средства и приемы.

А затѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи Введенія и Теоріи права я, вопреки повторнымъ соображеніямъ проф. Сергѣевича о фактическомъ примѣненіи только самонаблюденія, фактически на каждомъ шагѣ примѣняю соответственные приемы ¹⁾.

¹⁾ Характерно, между прочимъ, что въ другой критикѣ моихъ психологическихъ и специально правно-психологическихъ ученій, дѣйствительно на-

Что же касается сообщеній проф. Сергѣевича, то они покоятся на комбинаціи двухъ нарушеній: 1) на подмѣнѣ понятія «наблюденія», одного изъ видовъ изученія, общимъ, родовымъ понятіемъ «изученія», и 2) на умолчаніи о содержаніи второй части изложенія § 3 и множества другихъ мѣстъ изложенія Введенія и Теоріи до стр. 406 послѣдней книги, гдѣ проф. Сер-

учной критикѣ, написанной авторитетнѣйшимъ въ Россіи социологомъ, стало быть ученымъ, весьма компетентнымъ въ области приемовъ изученія социальнo-психическихъ явленій, проф. Максимомъ Ковалевскимъ, какъ разъ признается особенностью моихъ изслѣдованій широкое и успѣшное примѣненіе того, объ отрицаніи и непримѣненіи чего сообщает проф. Сергѣевичъ своимъ читателямъ (Максимъ Ковалевскій, Мораль и право. По поводу новаго сочиненія профессора Петражицкаго „Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности“. „Русскія Вѣдомости“, 1907 г., № 235).

Въ этой критикѣ обращено особое вниманіе именно на методы моихъ изслѣдованій; уже въ началѣ ея высказывается признаніе правильности этихъ методовъ („Какъ мы постараемся доказать, методы его отличаются той строгой объективностью, которая, разумѣется, исключаетъ всякую мысль объ апіорности“); а затѣмъ, въ концѣ рецензіи говорится, между прочимъ, о „рѣдкой способности къ широкимъ обобщеніямъ, отправляющимся не отъ одного самонаблюденія, а отъ удачнаго пользованія, между прочимъ, данными народной психологіи, насколько послѣдняя выступаетъ и въ языкѣ древнихъ памятниковъ, въ томъ числѣ юридическихъ, и въ юридической символикѣ. Въ этомъ отношеніи въ проф. Петражицкомъ можно открыть многія сходныя черты съ двумя юристами-философами, долгое время справедливо приковывавшими къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ европейскіхъ читателей. Я разумѣю Генриха Мэна въ Англии и Тарда во Франціи“ (и т. д., дальше имѣется сравнительная характеристика).

гѣевичъ открылъ впервые слѣдъ фактически вездѣ раньше рекомендуемаго и примѣняемаго мною метода для конструирования мнимаго противорѣчія и установленія положенія: «когда онъ писалъ Введеніе, онъ еще не зналъ, что придется сказать въ «Теоріи» на стр. 406 о томъ же вопросѣ».

Все это я выяснилъ документально въ своемъ разборѣ критики проф. Сергѣевича (стр. 154—163 статьи, стр. 1—12 назв. выше, стр. 3 прим., брошюры) въ наглядной формѣ путемъ приведенія ряда текстовъ моего изложенія, представляющихъ ясный и поразительный контрастъ съ тѣмъ, что объ этомъ изложеніи сообщаетъ проф. Сергѣевичъ. Имѣется въ моемъ разборѣ—это необходимо подчеркнуть въ виду дальнѣйшаго—и прямое указаніе на то, что «критикъ (проф. Сергѣевичъ) утилизируетъ для своихъ цѣлей мое положеніе о наблюдении психическихъ процессовъ (въ отличіе отъ другихъ, косвенныхъ, способовъ изученія) путемъ подмѣны понятія «наблюденіе» болѣе общимъ понятіемъ «изученіе», такъ что создается видъ, будто я отвергаю всякое иное изученіе, кромѣ самонаблюденія» (стр. 159).

Казалось бы, вопросъ выясненъ, и мѣста для вторичной полемики вопреки очевидности нѣтъ; или ужъ, по крайней мѣрѣ, указаніемъ на подстановку изученія вообще вмѣсто наблюденія отрѣзана возможность пользованія тѣмъ же приѣмомъ для дальнѣйшей полемики. Но, по отношенію къ проф. Сергѣевичу, эти положенія оказываются ошибкою.

Во главѣ и въ основѣ «отвѣта» проф. Сергѣевича имѣется опять манипуляція съ наблю-

деніємъ и изученіемъ. А именно начало раздѣла I «отвѣта» гласитъ (при перепечаткѣ я подчеркиваю для ясности слова «наблюденіе» и «изученіе», въ текстѣ проф. Сергѣевича, конечно, не подчеркнутыя):

«Первое возраженіе г. Петражицкаго формулировано такъ: «Сообщенія проф. Сергѣевича, что я во Введеніи признаю единственно годнымъ и достаточнымъ методомъ изученія психическихъ явленій, въ томъ числѣ нравственности, права и проч., методъ самонаблюденія, не допускаю изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики, считаю излишнимъ изученіе памятниковъ и т. д., не соответствующую дѣйствительности» (154). Посмотримъ, такъ ли это.

Г. Петражицкій дѣйствительно единственнымъ приѣмомъ наблюденія правовыхъ явленій считаетъ методъ самонаблюденія. Но это не я ему приписываю, онъ говоритъ это самъ на стр. 10 Введенія, гдѣ курсивомъ и въ особомъ абзацѣ напечатано:

«Отсюда слѣдуетъ, что надлежащимъ и единственно возможнымъ приѣмомъ наблюденія правовыхъ явленій слѣдуетъ признать методъ самонаблюденія, интроспекціи».

Кто же правъ? И это говорится не одинъ разъ. Приведенныя слова взяты мною изъ начала 2-го параграфа, оза-

главленнаго: «Научный методъ изученія правовыхъ явленій», но тѣми же словами и оканчивается этотъ параграфъ. Я приведу ихъ ниже. Это не обмолвка, это строгій логическій выводъ изъ того взгляда на правовыя явленія, который высказываетъ нашъ философъ въ самомъ началѣ приведеннаго параграфа, гдѣ читаемъ»... (здѣсь проф. Сергѣевичъ приводитъ длинную цитату изъ моей книги и положенія отъ себя въ пользу не требующаго совѣмъ цитатъ и вообще доказательствъ положенія, что я считаю право психическимъ явленіемъ, явленіемъ человѣческаго сознанія; затѣмъ онъ продолжаетъ): «Если такъ, то, конечно, единственный методъ изученія права есть самонаблюденіе. Здѣсь авторъ совершенно логиченъ: онъ не только говорить, что единственный приѣмъ изученія права есть самонаблюденіе, но иначе и говорить не можетъ» (стр. 103).

Дальше проф. Сергѣевичъ продолжаетъ повторять это положеніе и кладетъ его, какъ несомнѣнную истину, въ основу дальнѣйшихъ объясненій и оправданій.

Между прочимъ, проф. Сергѣевичъ не можетъ не знать, что того логическаго вывода, который онъ дѣлаетъ въ послѣднихъ строчкахъ, дѣлать нельзя. Въ своей первой критикѣ онъ доказывалъ прямо противоположное и въ этомъ былъ центръ тяжести его методологическихъ упрековъ. Такъ онъ говорилъ (брошюра стр. 5): «Всякое право создается человѣкомъ, право — продуктъ его психики, а потому при изученіи права надо наблюдать и психику человѣка; это

вѣрно. Но можно ли тутъ ограничиться однимъ самонаблюдениемъ? Не слѣдуетъ ли обратить вниманіе и на психику человѣка вообще, насколько она доступна нашему наблюденію?». Вообще тамъ онъ направлялъ споръ не противъ того, что право есть психическое явленіе, такъ что слѣдуетъ примѣнить психологическіе методы изученія, а противъ моего мнимаго ученія, будто единственный приемъ изученія психическихъ явленій есть самонаблюденіе; онъ сообщалъ: «Авторъ, значитъ, не допускаетъ изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики» (брошюра, стр. 6) и спорилъ противъ этой несообразности, приписанной мнѣ. Для чего производится теперь подмѣна темы спора, и почему проф. Сергѣевичъ сталъ теперь самъ вѣрить въ правильность того положенія, которое онъ прежде, приписавъ его мнѣ, считалъ неправильнымъ, видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Теперь приходится констатировать:

Какъ явствуетъ изъ приведенной первой части «отвѣта» (и, между прочимъ, очевидно для всякаго интеллигентнаго, умѣющаго различать понятія: «наблюденіе» и «изученіе», читателя и безъ моихъ объясненій по этому поводу во Введеніи и въ разборѣ критики проф. Сергѣевича), проф. Сергѣевичъ, умалчивая о моемъ возраженіи по поводу подмѣна понятій и отнюдь имъ не смущаясь, вторично кладетъ ту же манипуляцію въ основу своей полемики.

Хотя по обстоятельствамъ дѣла перваго случая пользованія этимъ приемомъ (въ виду наличности соотвѣтственныхъ объясненій во Вве-

дені, яснаго противопоставленія наблюденію другихъ способовъ изученія, дальнѣйшаго подробнаго изложенія этихъ другихъ способовъ, примѣняемыхъ въ психологіи и т. д.) тоже было ясно, что дѣло идетъ не о случайномъ недоразумѣніи, не о смѣшеніи понятій по незнанію или т. п., но теперь вопросъ о сознательности и вмѣненіи нарушенія въ вину получилъ еще болѣе ясное и несомнѣнное рѣшеніе.

Наряду съ этимъ и другими *circonstances aggravantes* этого рецидива того же нарушенія вопреки протесту потерпѣвшаго, есть, впрочемъ, и нѣкоторое исправленіе, измѣненіе къ лучшему по сравненію съ первымъ случаемъ.

А именно, въ первомъ случаѣ этого нарушенія, какъ и многихъ другихъ аналогичныхъ нарушеній въ статьѣ и брошюрѣ «Новое ученіе о правѣ и нравственности», проф. Сергѣевичъ пользовался, въ качествѣ средства приданія большей достовѣрности и несомнѣнности своимъ фактическимъ сообщеніямъ, приведеніемъ приписываемыхъ мнѣ, вопреки подлинному тексту, положеній и выраженій въ кавычкахъ, т. е. пользовался для своей цѣли неправильными копіями ¹⁾.

¹⁾ Ср., напр., съ подлиннымъ текстомъ цитаты, приводимыя проф. Сергѣевичемъ на стр. (брошюры): 17 (оба текста искажены), 22, 23 и др. Сродное средство представляетъ приведеніе въ кавычкахъ кусковъ текста съ пропускомъ неудобныхъ частей его. Главнымъ образомъ на комбинаціи этихъ средствъ зиждется критика въ раздѣлахъ VI и VII брошюры и статьи проф. Сергѣевича, и здѣсь же имѣются наиболѣе поразительные примѣры обоихъ; ср., напр., текстъ, приведенный проф. Сергѣевичемъ на стр. 50 его брошюры (48 статьи), съ подлиннымъ,

И по данному вопросу, о наблюдении и изучении, проф. Сергѣевичъ въ своей критической статьѣ и брошюрѣ не довольствовался такимъ же построениемъ полемики, какое имѣется въ приведенномъ выше «отвѣтѣ», т. е. подстановкою понятій, но укрѣплялъ вѣру читателя въ правильность своего сообщения приведеніемъ выраженія «единственно-возможнымъ способомъ изученія правовыхъ явленій» въ кавычкахъ (стр. 6 брошюры, 4 статьи); т. е. осложнял и ухудшалъ дѣйствіе, состоящее въ подмѣнѣ понятій, другимъ дѣйствіемъ, подмѣномъ соответствующихъ словъ въ выраженіи, выдаваемомъ, съ помощью кавычекъ, за точную копию, имѣющагося въ моей книгѣ, текста.

Теперь въ своемъ «отвѣтѣ» вообще, и въ данной части отвѣта въ частности, проф. Сергѣевичъ оставилъ примѣненіе этого средства полемики, и это—существенное улучшение, компенсирующее до известной степени разныя отягчающія обстоятельства «отвѣта» ²⁾.

или текстъ на стр. 55 съ подлиннымъ текстомъ, входящимся на стр. 481 (а не 401, какъ сообщает проф. С.) моей книги, текстъ во второмъ абзацѣ стр. 57 брошюры съ моимъ текстомъ на стр. 481 (въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ мнѣнія, характеризующія мною, какъ наивныя, наивно-проекціонныя, проф. Сергѣевичъ съ помощью текстовъ въ кавычкахъ сообщаетъ, какъ мои мнѣнія) и т. п.

²⁾ Въ своей первой статьѣ я не сообщил о приведенномъ въ текстѣ исключительно ненормальномъ средствѣ, подстановкѣ слова „изученіе“ вмѣсто слова „наблюденіе“ въ сообщаемомъ въ кавычкахъ, въ качествѣ моего, выраженіи; что же касается мене яркаго факта, подмѣна соответствующихъ понятій, то, хотя подлежащая подстановка поставлена проф. Сергѣевичемъ во главу и положена въ осно-

Приписываніе мнѣ страннаго и необычнаго ученія о самонаблюденіи, какъ единственномъ методѣ изученія психическихъ явленій, въ статьѣ и брошюрѣ проф. Сергѣевича заключало въ себѣ, какъ указано выше, кромѣ разсмотрѣннаго, еще другое рѣзкое нарушеніе, состоявшее въ сокрытіи, противоположнаго сообщеніямъ критика, содержанія второй части подлежащаго спеціального параграфа, посвященной изложенію правилъ соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія, и множества другихъ мѣстъ изложенія Введенія и Теоріи до стр. 406, гдѣ якобы впервые, «хотя мимоходомъ и въ скобкахъ», упоминается объ этомъ методѣ.

И здѣсь проф. Сергѣевичъ считаетъ возможнымъ оправдывать свое отношеніе къ дѣлу; а

ваніе торжествующаго (мнимаго) разгрома моей методологіи, я не только не выдвинулъ его на первое мѣсто и не подчеркивалъ, но, нарочно, помѣстилъ соответственное браткое указаніе мелкимъ шрифтомъ въ примѣчаніе, со словами „между прочимъ“ и въ такой связи, что оно, будучи яснымъ для противника, мало замѣтно для третьихъ читателей, т. е. я сдѣлалъ все возможное для ослабленія впечатлѣнія своего (вынужденнаго) разоблаченія. Я полагалъ, что истина и безъ того выяснится и останется выясненною, т. е. что проф. Сергѣевичъ, сознавъ свою неправоту, не станетъ заниматься повторнымъ затемнѣніемъ истины неправильнымъ изображеніемъ фактовъ.

Между тѣмъ, результатомъ указаннаго моего отношенія явилось, повидимому, только то, что получила благодіятная почва для вторичнаго примѣненія приѣма, получила возможность исходить изъ того, что и тѣ, которые читали мой разборъ, не замѣтили или забыли первое разоблаченіе относительно наблюденія и изученія, такъ что возможно успѣшное повтореніе приѣма.

именно, создавъ въ приведенномъ выше отрывкѣ впечатлѣніе вывода положенія о единственномъ методѣ изученія изъ моихъ же словъ о наблюденіи, онъ продолжаетъ (стр. 103, 104):

«Вотъ что сказано въ моемъ разборѣ, со словъ самого г. Петражицкаго, о его единственномъ способѣ изученія правовыхъ явленій. Приведенныхъ мною изъ его «Введенія» выписокъ онъ не отвергаетъ, наоборотъ, онъ соглашается съ моимъ заключеніемъ о неправильности такого приема и выражаетъ это въ очень рѣзкой формѣ: «разумѣется, говоритъ онъ, это методологическій абсурдъ» (153). Въ самомъ началѣ его критики получается нѣчто совершенно непонятное.

Послѣ только что приведенныхъ мною словъ г. Петражицкаго о томъ, что мое «сообщеніе» о самонаблюденіи, какъ единственномъ приемѣ изученія правовыхъ явленій, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, онъ продолжаетъ такъ: «Въ дѣйствительности въ томъ же параграфѣ Введенія (научный методъ изученія правовыхъ явленій), котораго касаются утвержденія критика, подробно изложены и развиты прямо противоположныя положенія» (154). Что же это такое? Это признаніе въ томъ, что авторъ самъ себя противорѣчитъ.

Нельзя, не нарушая логики, въ одно и то же время и по тому же вопросу утверждать: и да, и нѣтъ; нельзя говорить, что единственный способъ изученія есть самонаблюденіе, а затѣмъ утверждать нѣ-

что этому прямо противоположное. Послѣ этого признанія самопротиворѣчія авторъ перечисляетъ на нѣсколькихъ страницахъ тѣ случаи, когда у него говорится «о соединенномъ методѣ внутренняго и виѣшняго наблюденія». Что у него есть и такой методъ, я не скрылъ отъ читателя; но, не придавая этому вопросу первенствующаго значенія, я коснулся его въ двухъ словахъ. Остановлюсь на немъ теперь подробнѣе.

Вопросъ вовсе не въ томъ, на сколькихъ страницахъ говорится о соединенномъ методѣ внутренняго и виѣшняго наблюденія, а въ томъ, что такое это виѣшнее наблюденіе, какъ оно примѣняется къ праву, и что дастъ въ результатъ?»

Дальше проф. Сергѣевичъ, дѣйствительно, подробно, весьма подробно, съ приведеніемъ ненужныхъ совсѣмъ длинныхъ цитатъ изъ § 3 Введенія о соединенномъ методѣ внутренняго и виѣшняго наблюденія (стало быть, уже не скрывая больше, что объ этомъ подробно говорится въ этомъ § Введенія, что, стало быть, не впервые на стр. 406 «Теоріи» у меня появляется соотвѣтственное «противорѣчіе» и т. д.) разбираетъ соединенный методъ внутренняго и виѣшняго наблюденія, т. е. (общепринятая въ психологіи) положенія объ изученіи чужой психики путемъ наблюденія чужихъ тѣлодвиженій (въ томъ числѣ мимики, словъ и т. д.) и умозаключеній относительно соотвѣтственныхъ психическихъ процессовъ. Смыслъ этого «разбора» сводится къ приписыванію этому методу разныхъ пороковъ для доказа-

тельства его неспособности доставить намъ познаніе чужой психики и, стало быть, правильности выставленнаго раньше положенія: «Если такъ» (если право есть психическое явленіе), «то, конечно, единственный методъ изученія права есть самонаблюденіе» (стр. 108, 109 ср. выше, стр. 13). «Я прихожу на помощь автору: указаннаго имъ противорѣчія у него нѣтъ, у него одна метода, та самая, которую онъ называетъ абсурдомъ» (стр. 109, т. е. только самонаблюденіе съ исключеніемъ внѣшняго наблюденія, потому что другой методъ негоденъ, ничего не прибавляетъ къ самонаблюденію, такъ что о немъ не стоило и говорить въ первой критикѣ).

Принимать въ серьезъ подлежащія разсужденія проф. Сергѣевича, заниматься приведеніемъ и разборомъ ихъ и примѣняемыхъ для его цѣлей средствъ, доказывать противоположное, а именно пользу и необходимость примѣненія отвергаемой имъ теперь, въ отвѣтъ, вопреки первоначальной критикѣ, общепринятой методы въ области психологическихъ изслѣдованій, является совершенно лишнимъ уже въ виду того, что вопросъ, возбужденный первоначальной критикой проф. Сергѣевича, вѣдь, состоитъ не въ томъ, каковы, плохія или хорошія, качества подлежащаго метода, а просто въ томъ, имѣется ли онъ у меня, хотя бы въ плохомъ видѣ, въ § 3 Введенія и дальше до стр. 406 Теоріи, или не имѣется. Интереснѣе было бы, съ психологической и, пожалуй, вмѣстѣ съ тѣмъ юмористической точки зрѣнія, сопоставленіе сообщеній и мнѣній проф. Сергѣевича въ его двухъ полемическихъ статьяхъ (въ первой объ

отсутствіи и отрицаніи во Введеніи и т. д., во второй о наличности и обоснованіи, въ первой о полезности и необходимости, во второй о бесполезности и негодности одного и того же, и т. д.). Но и это я считаю лишнимъ. Въмѣсто всего этого достаточно кратко констатировать относительно существа объясненія и оправданія проф. Сергѣевича по поводу второго основного нарушенія въ его первоначальной критикѣ слѣдующее:

Существо оправданія прежнихъ умолчаній о соединенномъ методѣ и приписыванія мнѣ отрицанія его сводится къ тому, что, хотя, дѣйствительно, этотъ методъ упоминается у меня не впервые, «мимоходомъ и въ скобкахъ», на стр. 406 Теоріи, а много раньше, уже въ § 3 Введенія, и даже подробно здѣсь излагается, но объ этомъ не стоило и не слѣдовало говорить; не слѣдовало говорить мнѣ, такъ какъ это непослѣдовательность, признаніе въ самопротиворѣчій; не стоило говорить и проф. Сергѣевичу, ибо «вопросъ вовсе не въ томъ, на сколькихъ страницахъ говорится о соединенномъ методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія, а въ томъ, «каковъ этотъ методъ»; а онъ настолько плохъ, что на немъ не стоило останавливаться; не указавъ въ первой своей критикѣ моего самопротиворѣчія въ § 3 Введенія, теперь, будучи принужденнымъ сдѣлать этотъ упрекъ, проф. Сергѣевичъ все-таки вторично приходитъ «на помощь къ автору», доказывая, что, по существу, такого логическаго грѣха у меня нѣтъ, ибо соединенный методъ не даетъ ничего новаго и можетъ быть принятъ за несуществующій.

Это напоминает объясненія того подсудимаго, который сначала увѣрялъ: «Я кошелекъ у него не бралъ, да у него и не было никакого кошелека», а потомъ, когда его уличили и стали стыдить, что онъ имѣетъ смѣлость отрицать очевидное, заявилъ: «Положимъ, кошелекъ-то взялъ, но кошелекъ никуда не годится, не стоило говорить о такомъ пустякѣ; давно бы ему самому выбросить его вонъ и завести новый, чтобы не растерять денегъ; я помогу ему, а онъ еще недоволенъ!»

Вопросъ объ объясненіи того обстоятельства, что въ критической статьѣ и брошюрѣ: «Новое ученіе о правѣ и нравственности», не только въ первомъ его раздѣлѣ, но и дальше, хронически и систематически, приписывается мнѣ не только странное методологическое ученіе о самонаблюденіи, какъ единственномъ методѣ изученія психическихъ явленій, но и фактическое слѣдованіе ему, т. е. методологически совершенно несообразное построеніе дальнѣйшихъ ученій, вопреки моему, въ свою очередь систематическому, противоположному фактическому отношенію къ дѣлу, проф. Сергѣевичъ въ «отвѣтѣ» обходитъ вообще молчаніемъ. То же относится къ моимъ указаніямъ на разныя литературныя нарушенія, на почвѣ которыхъ къ основному упреку объ отрицаніи и непримѣненіи иныхъ методовъ, кромѣ самонаблюденія, проф. Сергѣевичъ счелъ возможнымъ въ своей критикѣ приписать мнѣ, вопреки подлинному тексту, еще разныя частныя методологическія несообразности.

Зато проф. Сергѣевичъ считаетъ возможнымъ выйти съ честью и триумфомъ изъ положенія,

созданнаго его споромъ противъ моего опредѣленія эксперимента. Этому и посвящена остальная часть 1-го раздѣла «отвѣта», слѣдующая за разсужденіями о дружеской услугѣ избавленія меня отъ противорѣчія и проч.

По поводу спора проф. Сергѣевича противъ моего опредѣленія эксперимента (приведеннаго мною въ связи съ ученіемъ объ экспериментальномъ изслѣдованіи психическихъ явленій), противопоставленія имъ, въ качествѣ правильнаго, иного опредѣленія, которое, по его (прежнему, ср. ниже) мнѣнію, «совсѣмъ не похоже на высказанное почтеннымъ авторомъ» (брошюра, стр. 7), я въ своемъ мѣстѣ (стр. 160 ст., стр. 9 брош.) отмѣтилъ: «Приводимое имъ (проф. Сергѣевичемъ) опредѣленіе эксперимента по существу не является «совсѣмъ непохожимъ» на приведенное мною, обычное, сжатое и точное, опредѣленіе; оно выражаетъ то же понятіе, но только въ неудачной формѣ» (дальше объясняется, почему неудачной). Теперь проф. Сергѣевичъ говоритъ по этому вопросу слѣдующее (стр. 109):

«Кромѣ разобранныхъ возраженій, которыя всѣ сводятся къ тому, что я приписалъ автору мнѣнія, которыхъ онъ не высказывалъ, въ этомъ первомъ отдѣлѣ критики есть замѣчаніе и другого рода. Оно относится къ высказанному мною сужденію о сути эксперимента. Г. Петражицкій не согласенъ съ моимъ мнѣніемъ и въ мое поученіе говоритъ: «Если бы критикъ потрудился заглянуть въ какое-либо солидное руководство логики, напр. Милля или т. п., онъ бы узналъ, что суть эксперимента именно въ умышенномъ и произвольномъ

введеніи новыхъ «условіи», напр. какого-либо вещества внутрь организма, навоза въ почву и т. п.» (162). Очень благодаренъ за поученіе, но у меня именно сказано то, что и по его мнѣнію надо было сказать. «Экспериментъ, говорю я, состоитъ въ наблюденіи явленія при условіяхъ, устанавливаемыхъ наблюдателемъ, причѣмъ онъ можетъ нѣкоторыя естественныя условія устранить, а ему желательныя привнести». Радуюсь, что я пользовался одинаковыми пособіями съ нашимъ философомъ, и не ставлю ему въ большую вину, что онъ такъ невнимательно читалъ мой разборъ: онъ не очень внимателенъ и къ содержанію собственныхъ своихъ философскихъ трудовъ; мнѣ приходится разъяснять ему смыслъ его собственныхъ словъ и спасать его отъ приписываемыхъ имъ самому себѣ противорѣчій».

Тоже находчивость и остроуміе въ своемъ родѣ. Это напоминаетъ находчивость того мальчика, который сначала спорилъ, что прошелъ мимо не офицеръ, а военный, двѣ совершенно различныхъ вещи, а потомъ, когда ему, наконецъ, разъяснили въ чемъ дѣло, объявилъ побѣду: «Ну вотъ, стало быть, я былъ правъ. Вѣдь, офицеръ—военный человекъ, я же и говорилъ: военный, чего же онъ спорилъ, какой непонятливый.»

III.

Вторая часть «отвѣта» проф. Сергѣевича представляетъ попытку объясненія и оправданія по поводу его критики моей «эмоціональной психо-

логіи» (составляющей вторую часть «Введения»).

Его критика моего учения объ эмоціяхъ была построена по тому же плану и съ помощью такихъ же средствъ, какъ и критика моей методологіи.

Во главу и основу ея былъ положенъ подмѣнъ понятій.

А именно, вопреки подлинному содержанию всего моего учения объ эмоціяхъ, въ частности вопреки подлинному тексту моего опредѣленія эмоцій, по которому эмоціи (напримѣръ, страхъ, гнѣвъ, стыдъ, отвращеніе, аппетитъ, жажда, половое возбужденіе и проч.) являются особымъ классомъ психическихъ явленій, именно психическихъ, съ особою психическою природою, проф. Сергѣевичъ, реферирруя мое ученіе объ эмоціяхъ, изображалъ дѣло такъ, будто я подъ эмоціями разумѣю какія-то претерпѣванія, вызывающія опредѣленные дѣйствія, тѣлодвиженія, и эти претерпѣванія вмѣстѣ съ этими опредѣленными дѣйствіями называю эмоціями.

Достигалъ онъ этого искаженія путемъ подстановки на мѣсто указываемой мною, какъ характерной для эмоцій, активности въ психологическомъ смыслѣ, «внутренняго стремленія», «позывовъ, внутреннихъ поуканій», напримѣръ, аппетита, какъ особаго «внутренняго поуканія, стремленія», вообще не психическихъ явленій, тѣлодвиженій, напримѣръ, ѣды, и т. п.

Такъ, напримѣръ, то самое мѣсто изложенія, резюмирующее кратко существо моего ученія о природѣ эмоцій, которое самъ критикъ сообщаетъ съ пропусками на стр. 13 своей брошюры (на-

чало изложенія Теоріи, I, § 1 начало, 1-е изд. 1907 г.)¹⁾, гласить (при перепечаткѣ для наглядности подчеркиваю соответств. мѣста):

«Современная психологія знаетъ и различаетъ три категоріи элементовъ психической жизни: 1) познаніе (ощущенія и представленія)²⁾, 2) чувства (наслажденія и страданія)³⁾, 3) волю (стремленія, активныя переживанія⁴⁾).

Эта классификація не можетъ быть признана удовлетворительною. Познавательныя переживанія: зрительныя, слуховыя, вкусовыя, обонятельныя, осязательныя, температурныя и другія ощущенія, а равно соответственныя представленія и воспріятія, имѣютъ односторонне-пассивную, страдательную въ общемъ смыслѣ, природу, представляютъ претерпѣванія (pati). Чувства въ техническомъ смыслѣ, наслажденія и страданія, тоже имѣютъ односторонне-

¹⁾ Какъ нижеслѣдующая часть изложенія 1-го изданія Теоріи, такъ и другія части изложенія первыхъ изданій Теоріи и Введенія, которыхъ касается проф. Сергѣевичъ, перепечатаны безъ измѣненія въ слѣдующихъ изданіяхъ, такъ что ихъ можно тамъ найти въ томъ же видѣ, какъ и въ первыхъ изданіяхъ, критикуемыхъ проф. Сергѣевичемъ. Обширная критика проф. Сергѣевича не содержитъ никакого матеріала и повода не только для какихъ-либо измѣненій по существу, но даже для усиленія ясности путемъ подчеркиванія важныхъ словъ и т. п., во избѣжаніе ошибочныхъ толкованій и проч.

²⁾ Основныя понятія и положенія психологіи познанія, въ частности ученій объ ощущеніяхъ, представленіяхъ и комбинаціяхъ тѣхъ и другихъ—воспріятіяхъ. ср. „Введеніе въ изученіе права и нравственности“ § 8.

³⁾ Введеніе § 9.

⁴⁾ Введеніе § 10.

пассивную природу, представляют претерпѣванія пріятнаго и непріятнаго. Переживанія воли, на примѣръ, воли работать дальше, несмотря на усталость, представляют односторонне активныя переживанія. Но путемъ надлежащаго самонаблюденія можно открыть существованіе въ нашей психической жизни такихъ переживаній, которыя не подходят ни подъ одну изъ трехъ названныхъ рубрикъ, а именно имѣютъ двустороннюю, пассивно-активную природу, представляютъ, съ одной стороны, своеобразныя претерпѣванія (отличныя отъ познавательныхъ и чувственныхъ), съ другой — позывы, внутреннія понуканія, активныя переживанія, и могутъ быть охарактеризованы какъ пассивно-активныя, страдательно-моторныя переживанія, или какъ моторныя, импульсивныя раздраженія.

Такова, на примѣръ, природа переживаній голода (аппетита), жажды, полового возбужденія. Сущность психическаго явленія, называемаго голодомъ, или аппетитомъ, состоитъ въ своеобразномъ претерпѣваніи и въ то же время въ своеобразномъ позывѣ, внутреннемъ понуканіи, стремленіи (*appetitus — ad-petitus* означаетъ стремленіе къ. . .). Притомъ своеобразнаго *ratio*, пассивной стороны голода-аппетита, отнюдь нельзя смѣшивать съ чувствомъ страданія (чувствомъ непріятнаго). Наблюдаемая, при извѣстныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ голодомъ страданія суть явленія сопутствующія, къ психологическому составу голода, какъ такового, вообще не относящіяся и имѣющія особыя причины патологическаго свойства. Нор-

мальный, умеренный и здоровый голодь сопровождается чаще чувствами удовольствія, чѣмъ страданія (сравни пожеланіе «хорошаго аппетита!»). Традиціонная теорія голода, по которой голодь есть отрицательное чувство, страданіе, заключаетъ въ себѣ два существенныхъ недоразумѣнія: 1) она игнорируетъ активную сторону явленія, 2) она смѣшиваетъ испытываемое при голодѣ-аппетитѣ пассивное переживаніе, отличное отъ чувства въ научно-техническомъ смыслѣ, съ явленіями, могущими сопутствовать голоду, но для него не существенными¹⁾.

Аналогична природа жажды и полового возбужденія. И здѣсь мы наблюдаемъ пассивно-активныя переживанія, только съ инымъ специфическимъ характеромъ соотвѣтствующихъ претерпѣваній и позывовъ.

То же можно констатировать путемъ самонаблюденія по схемѣ: *pati-movere* (претерпѣваніе-позывъ, пассивная-активная стороны) относительно природы страха, разнаго типа отвращеній, какъ, на примѣръ, при взятіи въ ротъ и попыткѣ жевать и глотать разные негодные для пищи, на примѣръ, гнилые, предметы, переживаній въ случаяхъ прикосновеній къ паукамъ и нѣкоторымъ инымъ насекомымъ, рептиліямъ и т. п.²⁾. Эти и т. п. моторныя раздраженія можно охарактеризовать, какъ отталкивающія, репульсивныя, въ отличіе отъ аппетита, жажды и т. п., какъ подталкивающихъ, аппульсивныхъ.

¹⁾ Подробное развитіе и обоснованіе нашего воззрѣнія на природу голода-аппетита и опроверженіе существующихъ ученій о голодѣ—Введеніе § 13.

²⁾ Введеніе § 14.

Всѣ явленія человѣческой и животной психики, имѣющія указанную, двустороннюю, пассивно-активную природу, мы объединяемъ въ особый классъ и называемъ этотъ классъ импульсіями или эмоціями ¹⁾.

Вмѣсто традиціоннаго тройственнаго дѣленія элементовъ психической жизни: на познание, чувство, волю, въ основу психологіи и другихъ наукъ, касающихся психическихъ явленій,—наукъ о правѣ, о государствѣ, о нравственности, хозяйствѣ и т. д., необходимо положить дѣленіе на 1) двустороннія, пассивно-активныя переживанія, моторныя раздраженія—импульсіи или эмоціи; 2) одностороннія переживанія, распадающіяся въ свою очередь на а) односторонне-пассивныя, познавательныя и чувственныя, и б) односторонне-активныя, волевыя.

Импульсіи или эмоціи играютъ въ жизни животныхъ и человѣка роль главныхъ и руководящихъ психическихъ факторовъ приспособленія къ условіямъ жизни и т. д.»

И вотъ, ссылаясь на это же мѣсто моего изложенія (и вопреки ясному тексту множества мѣстъ «Введенія»), проф. Сергѣевичъ, подставивъ вмѣсто моего и (обще-психологическаго) понятія активности въ психологическомъ смыслѣ, внутреннихъ стремленій, позывовъ и т. д., совершенно иного рода понятіе: дѣйствій, тѣлодвиженій, приписывалъ мнѣ понятіе объ эмоціяхъ, какъ сочетаніяхъ претерпѣваній и опредѣленныхъ тѣлодвиженій (стр. 15 и сл. брошюры).

¹⁾ О смыслѣ слова „эмоція“ въ существующей литературѣ ср. Введеніе § 15.

Получилось такимъ образомъ понятіе, представляющее нелѣпость не только съ психологической точки зрѣнія (неумѣніе отличить психическія явленія отъ тѣлодвиженій), но и съ точки зрѣнія логики и здраваго смысла (возведеніе какой-то смѣси психическихъ явленій съ физическими въ особый классъ психическихъ явленій). Но проф. Сергѣевичъ не указывалъ этихъ несообразностей, а утилизировалъ этотъ продуктъ своихъ пріемовъ для того, чтобы уничтожить мою теорію путемъ доказательства ея противорѣчивости.

Конструировалъ онъ подлежащее мнимое противорѣчіе по способу, систематически примѣняемому въ его брошюрѣ о новой теоріи права вообще и примѣненному и въ критикѣ моей методологіи въ частности.

А именно, умолчавъ о противоположности содержанія множества мѣстъ моего изложенія приписанному мнѣ ученію, онъ открылъ лишь одно изъ такихъ мѣстъ, чтобы констатировать нужное ему противорѣчіе (ср. выше о стр. 406 Теоріи, гдѣ яко-бы впервые появляется соединенный методъ).

Дѣло въ томъ, что я, строго отдѣляя вопросъ о (психической, конечно) природѣ разныхъ отдѣльных, изучаемыхъ мною, эмоцій и эмоцій вообще, отъ вопроса о ихъ біологической функціи, въ частности отъ вопроса о причинномъ дѣйствіи ихъ, отъ дальнѣйшихъ психическихъ и физиологическихъ процессовъ, вызываемыхъ ими и называемыхъ мною условно акціями подлежащихъ эмоцій, занимаюсь въ соответственныхъ мѣстахъ (отдѣленныхъ отъ мѣстъ опредѣленія природы самихъ подлежащихъ эмоцій)

изученіемъ этихъ акцій и по поводу нѣкоторыхъ эмоцій (въ томъ числѣ, между прочимъ, этическихъ эмоцій, внутреннихъ понуканій, «голоса совѣсти», въ пользу или противъ известнаго поведенія, напр., лжи, клеветы, кражи) констатирую, что онѣ могутъ дѣйствовать въ качествѣ импульса въ пользу весьма различныхъ поступковъ, дѣйствій или воздержаній, опредѣляемыхъ соответственными конкретными представленіями. Такія эмоціи я называю условно бланкетными. Отъ нихъ я отличаю, подъ именемъ специальныхъ эмоцій, такія, которыя имѣютъ тенденцію вызывать (поскольку нѣтъ препятствій, противодействій со стороны другихъ эмоцій и т. д.) опредѣленные по своему характеру и направленію системы психическихъ и физиологическихъ процессовъ, въ томъ числѣ психическихъ и физическихъ дѣйствій (мыслей, тѣлодвиженій) и проч. Напр., гнѣвъ имѣетъ тенденцію вызывать злостныя мысли и дѣйствія, эмоціи привязанности, любви—противоположныя мысли и дѣйствія, голодь-аппетитъ имѣетъ тенденцію вызывать представленія объектовъ питанія, ѣды и проч.

Вотъ мои положенія о бланкетныхъ эмоціяхъ и были избраны проф. Сергѣевичемъ для того, чтобы, путемъ сопоставленія съ полученнымъ имъ путемъ подмѣна понятій общимъ понятіемъ эмоцій, конструировать нужное ему противорѣчіе. Разъ эмоціи—претерпѣванія съ опредѣленными тѣлодвиженіями, то бланкетныя эмоціи, конечно, не мирятся съ этимъ понятіемъ.

«Таково зданіе новой эмоціональной психологіи, воздвигнутое нашимъ авторомъ. Увы! Это зданіе такъ же скоро было разрушено, какъ и

воздвигнуто, и той же самой рукой, которая его создала. Роль стѣнобитнаго орудія, низвергнувшаго новую постройку, сыграли бланкетныя эмоціи» и т. д. (Брошюра, стр. 15 и сл.).

Между прочимъ, вмѣсто бланкетныхъ эмоціи такимъ «стѣнобитнымъ орудіемъ» такой критикъ могъ избрать и любое изъ множества иныхъ элементовъ моего ученія, напр., какое-либо изъ множества положеній, касающихся не бланкетныхъ, а специальныхъ эмоціи, напр., одно изъ множества положеній, касающихся акцій специальныхъ эмоціи, формулированныхъ съ примѣненіемъ выраженія «тенденціи» или иныхъ выраженій, указывающихъ, что дѣло идетъ не о всегдашней наличности данной акціи, а, какъ вообще въ области причинныхъ связей, о тенденціи вызванія, могущей быть парализованной противодействующими факторами; или онъ могъ выбрать, для изображенія противорѣчія, одно изъ положеній, касающихся не тѣлодвиженій, а иныхъ акцій специальныхъ эмоціи, физиологическихъ или, тѣмъ болѣе, чисто психическихъ и проч., и проч.; точно такъ же какъ онъ могъ открыть наличность соединеннаго метода и соответственное противорѣчіе на стр. 406 Теоріи, которую онъ почему-то избралъ для своей манипуляціи, а на любой изъ множества другихъ страницъ Введенія или Теоріи (и фактически въ «отвѣтѣ» это противорѣчіе передвинулось съ отдаленной 406 стр. Теоріи въ § 3 Введенія). Чѣмъ болѣе логическая связанность и послѣдовательность всего ученія, тѣмъ легче въ немъ находить противорѣчія по способу проф. Сергѣевича. Сдѣлавъ какой-либо подмѣнъ въ основной послылкѣ, въ

основномъ понятіи и т. д., дальше можно устроить любое число противорѣчій, по любому поводу и проч. Поэтому, между прочимъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, съ одной стороны, въ обильной критической литературѣ, касающейся «Введенія» и «Теорія», систематически и, можно сказать, традиціонно повторяется и со стороны сторонниковъ, и со стороны противниковъ, характеристика: «логическая послѣдовательность» съ эпитетами въ родѣ «чрезвычайная», «рѣдкая» и т. п., съ другой стороны, длинная статья и брошюра проф. Сергѣевича представляетъ обильнѣйшее собраніе констатированныхъ имъ «противорѣчій», «самопротиворѣчій» и проч.

Въ своемъ разборѣ критики проф. Сергѣевича я выяснилъ фактическое положеніе дѣла, хотя и въ смягченной, по мотивамъ указаннымъ выше, формѣ, безъ указанія и подчеркиванія, что подлежащая манипуляція положена проф. Сергѣевичемъ въ основу его критики, безъ примѣненія выраженія «подмѣнъ понятій» и т. д.; но тѣмъ не менѣе въ формѣ, не оставляющей никакихъ сомнѣній относительно подлиннаго содержанія моего ученія, путемъ приведенія текстовъ моего опредѣленія понятія эмоцій, воочію показывающихъ иное, чисто психологическое, содержаніе этого понятія, и проч. Тѣмъ не менѣе, проф. Сергѣевичъ считаетъ возможнымъ, вопреки подлежащей фактической очевидности, «отвѣчать» и доказывать читателямъ свою правоту.

Дѣлаетъ онъ это очень просто. Существо моего возраженія, по поводу котораго слѣдовало отвѣчать (о замѣнѣ активности въ психологиче-

скомъ смыслѣ, «внутреннихъ стремленій, позывовъ» совершенно инороднымъ понятіемъ тѣлодвиженій, вопреки яснымъ текстамъ моихъ опредѣленій и т. д.) онъ скрываетъ; онъ скрываетъ, конечно, и подлежащіе тексты и вообще документальныя данныя; замѣняетъ эту щекотливую и острую тему о поразительномъ нарушеніи другою; а именно берется второй разъ доказать правильность своего прежняго сообщенія о природѣ эмоцій и противорѣчій, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ если бы не было моихъ возраженій и документальныхъ свидѣтельствъ противнаго, и совершаетъ второй разъ ту же манипуляцію, подставляетъ вмѣсто психической активности—тѣлодвиженія и устраиваетъ второй разъ, устроенное уже разъ, мнимое противорѣчіе.

Впрочемъ, между первымъ delictum и рецидивомъ его имѣется различіе въ самомъ способѣ совершенія нужной подстановки понятій.

А именно, въ первоначальной критикѣ, брошюрѣ и статьѣ, проявляется такая увѣренность въ невнимательности читателя, что не скрываются разные слѣды подлиннаго ученія; имѣется, хотя и относительно далеко отъ мѣста замѣны понятій, текстъ со словами: «позывы, внутреннія понуканія, активныя переживанія» (психологическій терминъ, означающій акты сознанія, а не тѣлодвиженія) и т. д. (стр. 13 брошюры); дальше критикъ говоритъ (стр. 14): «Эмоціи приводятъ чловѣка въ движеніе, имъ соотвѣтствуютъ акціи» (т. е. по этому мѣсту изложенія эмоціи, съ одной стороны, «движеніе» и «акціи» явственно отдѣляются другъ отъ друга). Мало того, въ самомъ мѣстѣ перваго подмѣна понятій: «психи-

ческой активности», «внутреннихъ стремленій», «позывовъ» и т. д. понятіемъ «дѣйствіе», «акціи», имѣются еще выраженія «понуканіе, позывъ». Здѣсь говорится: «Если претерпѣваніе не вызываетъ соответствующаго понуканія, позыва, соответствующей акціи,—нѣтъ и эмоціи» (стр. 16). Здѣсь начало подмѣна понятій происходитъ, такъ сказать, на глазахъ читателя, и достаточно было съ его стороны обратить вниманіе на принципиальное различіе смысла рядомъ поставленныхъ и только отдѣленныхъ запятой выраженій, «позыва, соответствующей акціи», чтобы возбудить подозрѣніе и, въ случаѣ провѣрки, убѣдиться, что въ этомъ логическомъ прыжкѣ съ «позыва» (психическаго явленія) на «соответствующую акцію» заключается существенное для всего дальнѣйшаго литературное нарушеніе.

Въ отвѣтъ же тотъ же эффектъ, подмѣнъ психической активности физической акціею, спеціально тѣлодвиженіями, достигается съ помощью иныхъ средствъ, не предполагающихъ уже такой невнимательности и довѣрчивости. Всѣ слѣды подлиннаго содержанія ученія, въ частности всѣ слѣды психической активности, внутреннихъ стремленій, позывовъ, тщательно скрыты. Логическій прыжокъ совершается не съ психической активности на тѣлодвиженія (съ «позывовъ» на «акціи»), а съ причинной связи на составъ по схемѣ: а вызываетъ $b = b$ входитъ въ составъ а. Приводятся отрывки текстовъ, въ которыхъ говорится о томъ, что эмоціи вызываютъ извѣстныя акціи (по моему ученію, извѣстные психическіе и физиологическіе процессы, мысли, тѣлодвиженія и т. д.). И сообщается, что, стало

быть, акціи входятъ въ составъ эмоцій, составляютъ одну изъ сторонъ ихъ и т. д. Успѣшность внушенія нужнаго читателю этимъ способомъ предполагаетъ нѣчто другое, нежели прежній, совсѣмъ иной, способъ, а именно онъ предполагаетъ низкій уровень умственнаго развитія. Интеллигентный читатель, конечно, и самъ не выведетъ изъ того, что эмоціи вызываютъ акціи, того, что акціи входятъ въ составъ эмоцій, и легко замѣтитъ соответствующій прыжокъ и подмѣнъ совершенно различныхъ отношеній (причинно послѣдующее—одновременно существующее въ качествѣ элемента или стороны); такъ что для него «доказательства» (см. ниже), приводимыя проф. Сергѣевичемъ въ свою пользу, должны были бы явиться именно доказательствомъ противнаго, и во всякомъ случаѣ симптомомъ, что дѣло нечисто, и, пожалуй, поводомъ для справокъ относительно подлиннаго текста моей книги, или, по крайней мѣрѣ, моихъ возраженій по данному вопросу. Но «отвѣтъ», какъ и «брошюра», не предполагаетъ ни интереса къ научному дѣлу и выясненію истины, ни вдумчивости и интеллигенціи на сторонѣ читателей.

Перепечатаваю текстъ «отвѣта» проф. Сергѣевича (стр. 100 и сл.) съ подчеркиваніемъ мѣстъ литературныхъ нарушеній (первыя подчеркнутыя слова: «хозяиномъ», «въ области тѣлодвиженій», «эмоціи»—подчеркнуты уже въ текстѣ проф. Сергѣевича, т. е. онъ самъ обращаетъ вниманіе читателя на подлежащій тезисъ, какъ на то, что даетъ ему право для его, существенно иного, тезиса о составѣ самихъ эмоцій):

«Во второмъ отдѣлѣ своей критики г. Петражицкій переходитъ къ эмоціо-
нальной психологіи. Приемы его и здѣсь
тѣ же, что и въ первомъ отдѣлѣ: онъ
утверждаетъ, что я приписываю ему
то, чего онъ никогда не говорилъ. Мой
отвѣтъ и здѣсь будетъ состоять изъ при-
веденія мѣстъ, изъ которыхъ читатель
увидитъ, что онъ говоритъ въ своемъ
трудѣ именно то, что теперь отрицаетъ.

Вотъ чѣмъ онъ недоволенъ въ моемъ
изложеніи его мнѣній. «Критикъ»,—гово-
ритъ онъ,—«изображаетъ дѣло такъ, будто
я подъ эмоціями разумѣю какія-то пре-
терпѣванія, вызывающія опредѣленные
дѣйствія, поступки (тѣлодвиженія и т. д.),
и эти претерпѣванія вмѣстѣ съ вызывае-
мыми ими опредѣленными дѣйствіями на-
зываю эмоціями, двухсторонними, пассив-
но-активными психическими переживаніи-
ми» (165). Этотъ упрекъ повторяется
нѣсколько разъ. По мѣрѣ того, какъ авторъ
переходитъ къ новымъ вопросамъ, возбу-
жденнымъ моимъ разборомъ его труда,
онъ все болѣе и болѣе раздражается и
становится рѣзче въ выраженіяхъ. Упрек-
нувъ меня, на стр. 169, еще разъ зато,
что я, въ противность его мнѣнію, говорю,
что «эмоціи имѣютъ двусторонній, пассивно-
активный характеръ въ томъ смыслѣ, что
онѣ состоятъ изъ претерпѣваній и тѣло-
движеній», онъ продолжаетъ: «Это понятіе
представляетъ такую нелѣпость не только
съ психологической точки зрѣнія (неумѣіе
отличать психическія явленія отъ тѣло-

движеній), но и съ точки зрѣнія логики и здраваго смысла, что» и т. д. Смѣю увѣрить г. Петражицкаго, что я никакой нелѣпости не приписалъ ему отъ себя, я говорю вездѣ его словами. Вотъ доказательства.

Вопросъ о томъ, что такое эмоціи,—самый существенный для эмоціональной психологіи, а потому я и попробую еще разъ выяснитъ существо ихъ на основаніи собственныхъ словъ автора.

«Всѣ тѣ внутреннія переживанія»,—говоритъ онъ,—«которыя, подобно голоду, жадѣ и т. д., имѣютъ двойственную пассивно-активную природу, слѣдуетъ, для цѣлей построенія научной психологіи, объединить въ одинъ основной классъ психическихъ феноменовъ, противопоставляя ихъ доселѣ извѣстнымъ и признаннымъ въ психологіи элементамъ психической жизни, какъ одностороннимъ, имѣющимъ односторонне-пассивную (познаніе и чувства) или односторонне-активную природу (воля). Для удобства изложенія желательно имѣть для этого класса особое краткое имя. Въ качествѣ такового можно предложить слово эмоціи или импульсія» (264).

Итакъ, эмоція—это цѣльный психическій феноменъ двусторонней природы, одна сторона—пассивная, другая — активная. Это новый феноменъ, открытый нашимъ философомъ; доселѣ въ психологіи были извѣстны только односторонніе элементы психической жизни.

«Теперешняя психологія», — продол-

жаетъ авторъ, — «конструируетъ психическую жизнь, въ частности психическія силы, вызывающія тѣлодвиженія, дѣйствія, съ помощью извѣстныхъ ей элементовъ, имѣющихъ односторонній характеръ, не зная о существованіи и дѣйствиіи эмоцій, какъ особыхъ двустороннихъ претерпѣвательно-моторныхъ психическихъ элементовъ; но... тутъ дѣло идетъ о произвольныхъ и не соответствующихъ дѣйствительности конструкціяхъ, имѣющихъ характеръ составленія «счета безъ хозяина». Надлежащее, съ научно-методологической точки зрѣнія, индуктивное изслѣдованіе подлежащихъ явленій показываетъ, что «хозяиномъ», факторами, рѣшающими и управляющими въ области тѣлодвиженій и вообще осуществленія указанной выше біологической функціи психики, являются не тѣ элементы, о которыхъ думаетъ традиціонное психологическое ученіе, а эмоціи. Что же касается элементовъ познанія, чувства и воли, то они играютъ лишь роль добавочныхъ, подчиненныхъ и вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, служащихъ эмоціямъ въ качествѣ средства болѣе совершеннаго эмоціональнаго приспособленія» (268).

Итакъ, хозяиномъ, рѣшающимъ наши тѣлодвиженія и управляющимъ ими, являются эмоціи; элементы познанія, чувства и воли суть подчиненныя имъ психическіе процессы, они служатъ эмоціямъ. Согласно съ этимъ авторъ и называетъ свои двустороннія эмоціи пре-

терпѣвательно-моторными психическими элементами, т. е. двусторонность эмоцій выражается, съ одной стороны, въ претерпѣваніи, а съ другой—въ вызываемомъ имъ дѣйстви (motor—двигатель).

Немножко дальше читаемъ: «Что касается эмоцій, то важно, чтобы онѣ дѣйствовали съ надлежащею энергіею, посылали кровь туда, куда нужно, оживляли тѣ органы, железы, мускулы и т. д., которые нужны для успѣха акціи и т. д.» (270). Итакъ, эмоціи распоряжаются не только внѣшними дѣйствіями человѣка, но даже кровь посылаютъ, куда нужно.

Такая же точка зрѣнія на эмоціи проводится и въ другихъ трудахъ автора. Въ «Теоріи» читаемъ: «Импульси или эмоціи играютъ въ жизни животныхъ и человѣка роль главныхъ и руководящихъ психическихъ факторовъ приспособленія къ условіямъ жизни; прочіе, односторонніе элементы психической жизни играютъ при этомъ вспомогательную, подчиненную и служебную роль. Въ частности, именно эмоціи исполняютъ функціи побужденій къ внѣшнимъ тѣлодвиженіямъ и инымъ дѣйствіямъ (напр., къ умственной работѣ и инымъ такъ называемымъ внутреннимъ дѣйствіямъ), вызывая непосредственно соотвѣтственные фізіологическіе и психическіе процессы (импульсивныя или эмоціональныя дѣйствія) или соотвѣтственную волю (волевыя дѣйствія)».

Первая сторона двусторонней эмоции проявляется въ претерпѣваніи, вторая—въ движеніи (movement, motor), отсюда эмоции носятъ у автора наименованіе претерпѣвательно-моторныхъ психическихъ явленій. Претерпѣваніе, побуждая къ движенію, непосредственно вызываетъ всѣ физиологическіе и психическіе процессы. Такихъ эмоцій легіоны. Въ этомъ вся жизнь. Авторъ рекомендуетъ наблюдать жизненные явленія съ точки зрѣнія двустороннихъ эмоцій, претерпѣванія—движенія, или, какъ онъ многократно выражается,—*pati-movement*. Вторая сторона эмоции носитъ у него еще наименованіе акціи, т. е. дѣйствія».

Кромѣ основныхъ нарушеній, состоящихъ въ сокрытіи имѣющихся въ моихъ книгахъ и повторенныхъ въ разборѣ критики проф. С. опредѣленій эмоцій и другихъ текстовъ, наглядно свидѣтельствующихъ о неправдивости его сообщеній, и вообще въ сокрытіи моихъ тезисовъ, возраженій противъ его искаженія и ихъ доказательствъ, и въ упорно повторяемыхъ, повидимому для силы внушенія, подстановкахъ, на мѣсто отношенія причинной послѣдовательности эмоцій и акцій отношенія состава, въ этомъ отвѣтѣ имѣются еще и другія, частныя, злоупотребленія.

Какъ видно изъ подчеркнутыхъ мѣстъ текста проф. Сергѣевича, послѣдній, внушая читателю мысль, будто «вторая сторона эмоцій

носить у него еще наименование акціи, т. е. дѣйствія», въ то же время попутно внушаетъ читателю еще и ту мысль, будто я причинное дѣйствіе эмоцій, вызываемыя ими тѣлодвиженія, называю также motor. Подлежащія сообщенія тоже неправдивы. Не вторую сторону эмоцій, конечно (внутреннія повуканія и т. д.), а психическіе и физическіе процессы, въ томъ числѣ тѣлодвиженія, которыя эмоціи имѣютъ тенденцію причинно вызывать, я называю акціями и только акціями (ср. текстъ проф. Сергѣевича: «носить у него еще наименование акціи»). Выраженіе же motor, моторы означаетъ у меня факторы, вызывающіе появленіе эмоціи. Неправильныя сообщенія относительно motor преслѣдуютъ двѣ цѣли. Они помогаютъ проф. Сергѣевичу, хоть чисто внѣшнимъ, словеснымъ, звуковымъ образомъ, внушить нужную ему ложную идею относительно моего (скрытаго имъ) опредѣленія природы эмоцій. А затѣмъ, они даютъ ему поводъ и матеріалъ для слѣдующей, имѣющейся дальше, на стр. 122, выходки противъ меня: «моторами у него называются самыя акціи, а теперь то же названіе усвоится и новымъ факторамъ», о которыхъ прежде и рѣчи не было. Едва ли это удобно: эмоціи снаряжаются двумя совершенно разными моторами, одинъ поставленъ впереди, другой сзади, на нихъ пожалуй, далеко не уѣдешь».

Эта выходка, представляющаяся ея сочинителю, повидимому, очень остроумной и язвительной (она вставлена въ текстъ некстати, безъ логической связи), основана на той же системѣ литературныхъ злоупотребленій, которая лежитъ въ основаніи сочиненія не суще-

ствующихъ противорѣчій, а именно на сочетаніи сообщенія сначала чего-то не существующаго въ подлинномъ изложеніи («моторами у него называются самыя акціи»), а затѣмъ дѣйствительно существующаго и сопоставленіи ихъ, какъ фактовъ.

Затѣмъ, не менѣе смѣлое и рѣзкое нарушеніе состоитъ въ сообщеніи, будто указываемая мною руководящая схема для изученія эмоцій путемъ самонаблюденія имѣетъ видъ: «претерпѣваніе-движеніе». Въ подлинномъ текстѣ у меня подлежащая схема для самонаблюденія (уже какъ таковаго, не могущаго касаться тѣлодвиженій) имѣетъ иной видъ: «претерпѣваніе-позывъ» (Введеніе, стр. 222 1-го изд., Теорія, I стр. 2 1-го изд. 1907 г., ср. выше, стр. 28); т. е. проф. Сергѣевичъ не стѣсняется привлекать въ помощь совершаемой имъ подстановкѣ понятій (вмѣсто понятія активности, моторности въ психологическомъ смыслѣ, стремленій, позывовъ—понятія тѣлодвиженій) такого элемента моего изложенія, который съ очевидностью свидѣтельствуетъ о неправильности его поступка, для того, чтобы, подставивъ въ подлежащемъ выраженіи вмѣсто подлиннаго слова нужное ему для его манипуляціи, утилизировать его въ свою пользу.

Создавъ, съ помощью сочетанія этихъ средствъ своей системы «доказательства», видъ правдивости своего, въ первоначальной критикѣ добытаго тоже путемъ подмѣна понятій, но инымъ способу, тезиса относительно моего понятія эмоцій, какъ сочетанія претерпѣваній съ тѣло движеніями, проф. Сергѣевичъ, далѣе, дѣлаетъ видъ удивленія и непониманія, почему

я несогласенъ съ его сообщеніемъ о содержаніи моего ученія (стр. 113):

Но почему же, прочитавъ въ моемъ разборѣ его «Введенія въ изученіе права и нравственности» краткое изложеніе этого ученія, онъ въ своей критикѣ, теперь мною разбираемой, не только отказывается отъ него, но и называетъ нелѣпостью, противною здравому смыслу? Это непостижимая для меня тайна. Неужели авторъ могъ забыть, что онъ самъ написалъ? А если онъ не забылъ, а прямо отвергаетъ, что онъ самъ написалъ, то что же остается отъ эмоциональной психологіи? Ровно ничего».

Далѣе (стр. 114) проф. Сергѣевичъ повторяетъ сдѣланное имъ въ первой критикѣ злоупотребленіе, состоящее въ сопоставленіи сочиненнаго имъ и приписаннаго мнѣ несообразнаго общаго понятія эмоцій съ моими тезисами о бланкетныхъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ акцій, эмоцій, для того, чтобы обнаружить между этими понятіями явное противорѣчіе; а затѣмъ, по поводу этого своего заключенія о противорѣчій, опровергнутаго мною уже въ разборѣ его критики путемъ выясненія сдѣланной имъ для полученія этого противорѣчія подстановки понятій, продолжаетъ (стр. 114 и 115):

«Чѣмъ же авторъ доказываетъ невѣрность моего заключенія? Онъ только повторяетъ уже сказанное въ книгѣ о различіи двухъ категорій эмоцій, но въ измѣненномъ видѣ. Приведу существенныя измѣненія. «Акція человѣческихъ специаль-

ныхъ эмоцій»,—говорить онъ,—«отличаются вообще большею свободою и измѣнчивостію, чѣмъ акціи спеціальныхъ эмоцій другихъ высшихъ животныхъ... Нѣкоторыя спеціальныя человѣческія эмоціи имѣютъ настолько свободный и измѣнчивый характеръ, что ихъ предопредѣленность состоитъ лишь въ предопредѣленности общаго направленія поведенія. Такъ, напр., важными элементами человѣческой эмоціональной психологіи являются эмоціи, акціи которыхъ состоятъ вообще въ добромъ, благожелательномъ отношеніи къ другимъ, причѣмъ это отношеніе можетъ выражаться въ различнѣйшихъ конкретныхъ формахъ». Къ такимъ эмоціямъ авторъ относитъ любовь вообще и любовь въ евангельскомъ смыслѣ. «Точно также, продолжаетъ онъ, весьма свободны и измѣнчивы акціи эмоцій честолюбія и тщеславія и нѣкоторыхъ другихъ спеціальныхъ человѣческихъ эмоцій» (173). Что же это такое? Послѣ замѣчаній, посвященныхъ спеціальнымъ эмоціямъ, авторъ переходитъ къ бланкентнымъ и безъ существенныхъ перемѣнъ повторяетъ сказанное въ книгѣ. Вотъ и все. Это повтореніе—ни чѣмъ не опровергаетъ моего возраженія ¹⁾. Но въ немъ есть чрезвычайно характерная черта.

¹⁾ „Я предполагаю, что читателю извѣстенъ мой первый разборъ эмоціональной психологіи г. Петражицкаго, напечатанный въ февральской книгѣ Журнала Министерства Юстиціи за 1909 г., а потому и не повторяю тамъ сказаннаго“.

Правственные эмоции въ книгѣ отнесены къ бланкетнымъ, а здѣсь любовь, тщеславіе, честолюбіе, т. е. тѣ же бланкетныя эмоціи, играютъ роль въ числѣ специальныхъ. Это отказъ отъ прежде сказаннаго, или авторъ забылъ прежде сказанное? Любопытно, что онъ только повторяетъ здѣсь ошибку, уже сдѣланную имъ еще въ 1907 году на стр. 8 и 9 Теорія. Такими средствами, конечно, нельзя доказать, что указаннаго мною противорѣчія нѣтъ. Ими доказывается еще разъ только то, что и самъ авторъ не очень знаетъ, что, гдѣ и какъ онъ говоритъ, а потому и впадаетъ все въ новыя противорѣчія самому себѣ».

Непонятныя для читателя и не относящіяся къ дѣлу сообщенія и разсужденія этой, заключительной, части «отвѣта» по поводу разрушенія ученія объ эмоціяхъ путемъ конструирования противорѣчія представляютъ наиболѣе недостойное мѣсто всего «отвѣта», такъ что все прочее по сравненію съ нимъ блѣднѣетъ и получаетъ относительно невинный видъ.

Непонятность этого мѣста, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, не случайна, а необходима. Въ случаѣ разъясненія оно, какъ видно изъ дальнѣйшаго, не имѣло бы никакого смысла. Намекъ въ примѣчаніи на то, что будто эта непонятность происходитъ отъ нежеланія повторять сказанное въ первоначальной критикѣ, неправиленъ. Никакой разгадки этого мѣста въ первоначальной критикѣ, гдѣ имѣется только воспроизводимое здѣсь же, на предыдущей страницѣ, указаніе, что мои тезисы о бланкетныхъ эмо-

ціяхъ противорѣчать моему (мнимому) общему понятію эмоцій, читатель не можетъ найти.

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить, что темные намеки и сообщенія проф. Сергѣевича отношенія къ дѣлу, въ частности къ поставленному имъ во главѣ вопросу: «Чѣмъ же авторъ доказываетъ невѣрность моего заключенія?», не имѣютъ. Чѣмъ я доказываю невѣрность его заключенія о мнимомъ противорѣчїи, ясно и опредѣленно указано въ моихъ возраженіяхъ, а именно доказательствомъ, что подлежащее «заключеніе» получено путемъ подстановки въ мое общее понятіе эмоцій вмѣсто подлиннаго его содержанія понятія опредѣленныхъ тѣлодвиженій, какъ какой-то второй стороны эмоцій. Скрывая это мое подлинное доказательство «невѣрности его (моего) заключенія» и подставляя вмѣсто него свои дальнѣйшія сообщенія о какихъ-то (не относящихся къ дѣлу) новыхъ, измѣненныхъ, моихъ сообщеніяхъ объ акціяхъ специальныхъ эмоцій, проф. Сергѣевичъ совершаетъ дальнѣйшее литературное нарушеніе.

Тѣмъ не менѣе подлежащее, непонятное, искусственно приуроченное къ вопросу о подмѣнѣ понятій и конструированіи этимъ способомъ противорѣчїя, въ дѣйствительности никакого отношенія къ этому вопросу не имѣющее, мѣсто «отвѣта» имѣетъ свой опредѣленный смыслъ.

Его смыслъ состоитъ въ созданіи у читателя, хотя и не знающаго, почему и о чемъ все это говорится, впечатлѣнія, что я не могу отразить упрека въ противорѣчїи съ помощью прежняго текста моихъ книгъ и дѣлаю какія-то отступленія, ввожу какія-то измѣненія (запутываясь при этомъ въ новое противорѣчіе), но—и въ этомъ

вся соль этого мѣста — въ вызовѣ этого впечатлѣнія у читателя съ помощью сочетанія такихъ, для читателя непонятныхъ, сообщеній, что въ случаѣ необходимости отвѣта по поводу такихъ инсинуацій можно заявить: «Я ничего подобнаго не утверждаю, мало ли что читателю или другой сторонѣ угодно выводить изъ моихъ словъ. Вѣдь я прямо указываю: «Любопытно, что онъ повторяетъ здѣсь ошибку, уже сдѣланную имъ еще въ 1907 году на стр. 8 и 9 «Теоріи», т. е. я признаю и самъ указываю, что дѣло идетъ о воспроизведеніи того, что имѣется на стр. 8 и 9 Теоріи».

Приурочены неясныя и двусмысленныя сообщенія проф. Сергѣевича то о новизнѣ, то о повтореніи прежняго, сказаннаго въ 1907 г., къ тексту на стр. 170 и сл. моего разбора его критики, представляющему буквальную перепечатку текста § 1 Теоріи, стр. 8 и 9 1-го изд. 1907 г. (причемъ проф. Сергѣевичъ скрываетъ существенныя части текста, иллюстрирующія степень правдивости его изображенія моего понятія эмоцій и его отношенія къ понятію акцій, соотвѣтственныхъ причинныхъ тенденцій, и обнаруживаетъ только несущественныя, не вычеркнутыя при перепечаткѣ для ясности, частицы текста).

Передъ подлежащею буквальною копіею текста § 1 Теоріи въ моемъ разборѣ критики проф. Сергѣевича сказано:

«Привожу соотвѣтственное мѣсто моего резюмирующаго изложенія въ § 1 «Теоріи». На него ссылается проф. Сергѣевичъ, и оно же послужитъ намъ и дальше для выясненія природы

дальнѣйшихъ упрековъ критика по адресу моей теоріи» (стр. 170).

Если бы я, перепечатавая въ кавычкахъ, въ качествѣ точной копіи, подлежащій текстъ, ввелъ при этомъ какія-либо измѣненія, это означало бы пользованіе подложною копіею, совершеніе подлога, хотя и не въ узкомъ уголовномъ смыслѣ, а въ общемъ, достаточно все-таки позорномъ, смыслѣ обычнаго словоупотребленія.

Приписываніе же другому такого поступка, съ сознаниемъ неправильности обвиненія, представляло бы нѣчто, съ точки зрѣнія правилъ житейскаго благоразумія, значительно болѣе рискованное, чѣмъ разныя сознательно неправильныя фактическія сообщенія просто.

Поставивъ вопросъ: «Чѣмъ же авторъ доказываетъ невѣрность моего заключенія?» и скрывъ весьма опредѣленный и ясный отвѣтъ на это, имѣющійся въ моемъ разборѣ его изображенія дѣла, проф. Сергѣевичъ перепечатываетъ дальше не имѣющіе значенія для вопроса кусочки текста, имѣющагося въ разборѣ и въ Теоріи, называя ихъ «существенными измѣненіями», и не сообщая, по сравненію съ чѣмъ, въ чемъ и т. д., такъ что и въ этомъ отношеніи сохраняется неизвѣстность и непонятность. А дальше эти непонятныя ни для кого, но во всякомъ случаѣ неправильныя, слова берутся назадъ опять въ непонятной и незамѣтной для читателя формѣ: «Любопытно, что онъ только повторяетъ здѣсь ошибку, уже сдланную имъ въ 1907 году на стр. 8 и 9 «Теоріи».

Впечатлѣніе у читателя какихъ-то и даже «существенныхъ» измѣненій произведено и непонятнымъ для него указаніемъ на «любопыт-

ное» обстоятельство, что дѣло идетъ о повтореніи бывшаго уже на стр. 8 и 9 «Теоріи», изд. 1907 года, не уничтожено, а интересы занимающагося этими странными и непонятными манипуляціями писателя обезпечены возможностью сослаться на указаніе подлежащаго «любопытнаго» обстоятельства.

Посрединѣ, между сообщеніемъ о «существенныхъ измѣненіяхъ» и взятіемъ этихъ словъ обратно въ незамѣтной для читателя формѣ, имѣется еще вставка, требующая особаго разсмотрѣнія; хотя она тоже по содержанію не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу, къ которому она искусственно приурочена, она тоже вызываетъ извѣстное, нужное проф. Сергѣевичу, впечатлѣніе.

Я имѣю въ виду вставку между положеніемъ: «Это повтореніе ничѣмъ не опровергаетъ моего возраженія» и сообщеніемъ о «любопытномъ» обстоятельстве.

Эта вставка тоже вызываетъ у читателя впечатлѣніе измѣненій съ моей стороны, а именно, перевода эмоцій «любви, тщеславія, честолюбія» изъ разряда бланкетныхъ въ разрядъ специальныхъ, т. е. отступленія въ разборѣ отъ первоначальнаго текста. Но настаивать на томъ, что здѣсь имѣется такая инсинуація, нельзя и здѣсь въ виду слѣдующихъ словъ о «любопытномъ» обстоятельстве, что дѣло идетъ объ ошибкѣ, имѣвшейся уже на стр. 8 и 9 теоріи изд. 1907 г.

Съ другой стороны, подлежащія слова объ эмоціяхъ любви, тщеславія и честолюбія, можно, и въ виду признанія факта, что дѣло идетъ о воспроизведеніи имѣющагося уже въ «книгѣ», слѣдуетъ толковать такъ, что проф. Сергѣевичъ

утверждаетъ только наличность противорѣчія между разными частями прежняго изложенія 1907 года, «ошибки», повторяемой и въ моемъ разборѣ.

Это конструированіе противорѣчія производится слѣд. образомъ:

Въ перепечатанномъ въ моемъ разборѣ критики проф. Сергѣевича текстъ § 1 Теоріи, т. е. въ текстъ, на почвѣ котораго проф. Сергѣевичъ производитъ свои операціи, эмоціи любви, тщеславія и честолюбія, какъ и многія другія, приводятся въ качествѣ примѣровъ спеціальныхъ эмоцій, при чемъ, что касается эмоцій любви, то уже изъ куска текста, перепечатаннаго проф. Сергѣевичемъ, въ частности изъ словъ, «акціи которыхъ состоятъ вообще въ добромъ, благожелательномъ отношеніи» и т. д., видно, что объ отнесеніи ихъ къ бланкетнымъ, съ моею точки зрѣнія, не можетъ быть рѣчи.

Въ слѣдующемъ, 2-мъ § Теоріи я говорю объ этическихъ эмоціяхъ, эмоціяхъ долга (внутреннихъ повуканіяхъ въ пользу или противъ различныхъ поступковъ, напр., лжи, клеветы, кражи и т. д.) и, конечно, отношу ихъ къ бланкетнымъ эмоціямъ. Такъ какъ эти эмоціи существенно отличны отъ эмоцій любви, тщеславія и честолюбія, то, какъ ясно всякому, читавшему подлежащія части моего изложенія, конечно, и проф. Сергѣевичу, никакого противорѣчія между положеніями перваго и втораго §§ нѣтъ, и объ этомъ не можетъ быть рѣчи.

Но проф. Сергѣевичу угодно отъ себя назвать «любовь, тщеславіе, честолюбіе» «нравственными эмоціями» и на этой почвѣ заявить, что у меня имѣется противорѣчіе, такъ какъ я при-

знаю нравственныя эмоціи бланкетными и въ то же время привожу любовь, тщеславіе и честолюбіе въ качествѣ примѣровъ специальныхъ эмоцій, хотя ихъ слѣдуетъ относить (по мнѣнію проф. Сергѣевича) тоже къ нравственнымъ эмоціямъ.

Сдѣлано это такъ, что неосвѣдомленный читатель можетъ подумать, будто я самъ отношу эти эмоціи къ нравственнымъ и что такимъ образомъ у меня имѣется противорѣчіе и, сверхъ того, у него останется впечатлѣніе, что это противорѣчіе имѣется между тѣмъ, что я говорилъ прежде, и тѣмъ, что я говорю въ полемикѣ.

Въ виду того, что, какъ явствуетъ изъ предыдущаго, отрывокъ отвѣта, содержащій разсмотрѣнныя ненормальныя явленія, никакого оправданія совершеннаго въ первоначальной критикѣ нарушения, — т. е. подмѣна понятій вопреки тексту и конструирования этимъ способомъ несуществующаго противорѣчія, — не содержитъ и вообще никакого отношенія къ вопросу не имѣетъ, а только приуроченъ для другихъ цѣлей особаго свойства къ вопросу, — приходится констатировать, что «отвѣтъ» проф. Сергѣевича по этому вопросу въ дѣйствительности никакого отвѣта и оправданія не содержитъ; онъ представляетъ только уклоненіе отъ сообщенія существа возраженія и отвѣта и замѣнъ ихъ рецидивомъ прежнихъ нарушеній и добавленіемъ новыхъ.

IV.

Устроивъ съ помощью указаннаго выше подмѣна понятій изображеніе саморазрушенія теоріи

эмоцій и доказательства, что бланкетныя эмоціи не подходят подь мое общее опредѣленіе эмоцій, проф. Сергѣевичъ въ своей брошюрѣ и статьѣ въ качествѣ дальнѣйшаго орудія противъ эмоціональной психологіи выдвигалъ и настойчиво повторялъ поразительно противорѣчащее дѣйствительности сообщеніе, состоящее въ томъ, что будто бы я сумѣлъ открыть и назвать всего только четыре спеціальныхъ эмоціи, а именно эмоцію голода, жажды, полового возбужденія и будительно-вставательную. «Въ дѣйствительности онъ называетъ только четыре: эмоцію голода, жажды, полового возбужденія и будительно-вставательную», утверждалъ проф. Сергѣевичъ на стр. 16 своей брошюры. «Исключительныхъ эмоцій, доступныхъ внутреннему наблюденію, авторъ указываетъ только четыре: эмоцію голода, жажды, половыхъ возбужденій и будительно-вставательную», повторялъ онъ на стр. 18, и т. д. Это фактическое неправильное сообщеніе играетъ у него роль второго основного средства дискредитированія критикуемой теоріи и составляетъ въ дальнѣйшей критикѣ, вмѣстѣ съ устроенною раньше подстановкою понятій, базисъ для окончательнаго разрушенія «эмоціональной психологіи». Въ частности оно помогаетъ ему, затѣмъ, говорить о несостоятельности метода изслѣдованія эмоцій, давашаго, вопреки моему мнѣнію о существованіи множества спеціальныхъ эмоцій, такіе жалкіе результаты, а затѣмъ устроить видъ окончательнаго уничтоженія теоріи путемъ разсмотрѣнія этихъ четырехъ эмоцій и доказательства, что и онѣ не соотвѣтствуютъ моей теоріи.

Въ виду того, что въ дѣйствительности у меня

имѣется не четыре, а множество примѣровъ спеціальныхъ эмоцій, что, въ частности во главѣ изложенія поставлено доказательство существованія множества эмоцій, регулирующихъ питаніе, наряду съ положительными эмоціями множества отталкивающихъ, репульсивныхъ, разныхъ видовъ отвращенія и т. д., не допускающихъ излишествъ въ области питанія, ѣды продуктовъ гниlostнаго разложенія и иныхъ вредныхъ и опасныхъ объектовъ, затѣмъ множества эмоцій, регулирующихъ добываніе объектовъ питанія, охотничьихъ эмоцій у хищныхъ животныхъ и др., затѣмъ эмоцій, регулирующихъ разныя предварительныя работы въ области добыванія средствъ пропитанія, между прочимъ, «пастушескихъ» и «земледѣльческихъ» эмоцій у людей (при чемъ уже изъ оглавленія: «§13. Другія моторныя раздраженія, относящіяся къ питанію» видна неправдивость сообщенія о четырехъ эмоціяхъ); что, затѣмъ, въ томъ же отдѣлѣ изложенія и дальше, въ особенности въ критикуемомъ дальше проф. Сергѣевичемъ отдѣлѣ, посвященномъ методамъ открытія и изученія эмоцій, приводится много дальнѣйшихъ примѣровъ спеціальныхъ эмоцій; что, затѣмъ въ томъ мѣстѣ изложенія «Теорія» (§ 1), которое посвящено краткому резюмирующему изложенію теоріи эмоцій, и изъ котораго проф. Сергѣевичъ выбираетъ мѣста для своихъ цѣлей, въ свою очередь, приведены дальнѣйшіе примѣры эмоцій и цѣлыхъ разрядовъ ихъ,—сообщеніе проф. Сергѣевича о томъ, что будто у меня называются только четыре спеціальныя эмоціи: «эмоціи голода, жажды, полового возбужденія, будительно-вставательныя», и повтореніе его и пользованіе имъ

въ качествѣ орудія противъ моего ученія представляло нѣчто весьма поразительное.

Хотя и въ прочихъ случаяхъ предлагаемое проф. Сергѣевичемъ общее объясненіе: «все дѣло въ ошибкахъ пониманія» явно непримѣнимо (особенно послѣ повторнаго совершенія подлежащихъ «ошибокъ пониманія» несмотря на документальное выясненіе этихъ «ошибокъ»), но здѣсь и подавно, по самому свойству сообщенія критика, о такомъ объясненіи не можетъ быть рѣчи.

Неожиданный отвѣтъ и разоблаченіе съ моей стороны съ приведеніемъ наглядныхъ документальныхъ доказательствъ создало по вопросу о четырехъ эмоціяхъ особенно затруднительное положеніе, даже въ случаѣ полной свободы отъ всякихъ стѣсненій и ограниченій этического свойства и наличности большой ловкости и находчивости въ извѣстномъ направленіи.

Въ виду этого, объясненія проф. Сергѣевича по этому, особенно острому уже по внѣшнему виду, вопросу представляютъ своеобразный психологическій интересъ.

Оказывается, никакихъ особыхъ затрудненій и здѣсь проф. Сергѣевичъ не встрѣтилъ и составилъ отвѣтъ, изъ котораго видно, что самый споръ съ моей стороны представляетъ какую то странную придирчивость, проявленіе желанія спорить, даже гдѣ для этого нѣтъ резоннаго повода.

Выходъ изъ создавшагося положенія достигается съ помощью той же системы объясненій, которая примѣняется въ другихъ частяхъ «отвѣта», но съ нѣкоторымъ, относительно весьма скромнымъ, дополненіемъ. Это дополненіе къ обычной системѣ состоитъ въ томъ, что здѣсь проф. Сергѣевичъ не ограничивается скрыва-

ніемъ при «отвѣтѣ» на мои возраженія самихъ этихъ возраженій съ замѣною этого и соответственнаго отвѣта выставленіемъ своего прежняго тезиса (съ указаніемъ на мое «неудовольствіе» по поводу его) и повтореніемъ прежнихъ «ошибокъ пониманія», а распространяетъ секретность и на свои прежніе тезисы.

Вмѣсто прежняго своего утвержденія о четырехъ эмоціяхъ и соответственнаго возраженія съ моей стороны, тщательно скрываемыхъ, подставляется иная тема спора, иное утвержденіе и иное возраженіе; при чемъ эта тема представляетъ рѣзкій контрастъ съ подлинною; между тѣмъ какъ послѣдняя имѣетъ совершенно необычный въ литературѣ характеръ по своей остротѣ и неприятности, подставленная вмѣсто нея имѣетъ крайне невинный и благодушный видъ.

А именно, по теперешнему сообщенію проф. Сергѣевича въ его «отвѣтѣ» (стр. 116) оказывается, что произошло слѣдующее невинное и совсѣмъ незначительное разногласіе:

«Раздѣливъ эмоціи на спеціальныя и бланкетныя, авторъ высказываетъ мнѣніе, что спеціальныхъ эмоцій имѣются цѣлыя легіоны. Я усомнился въ такомъ ихъ множествѣ».

Въ виду такого невиннаго «сомнѣнія», не дающаго повода не только для уличеній въ какихъ либо неблаговидныхъ дѣяніяхъ, но и для какого либо возраженія по существу и спора, странно и непонятно, какъ могла выйти изъ за этого какая то полемика. «Конечно, выраженіе «легіоны спеціальныхъ эмоцій» не научное, а гиперболическое. Доказать наличность легіоновъ эмоцій нельзя, и лучше автору было бы согласиться, что это преувеличеніе,—и спору конецъ.

Но онъ старается доказать справедливость своего утвержденія» (стр. 116).

Такъ изображаетъ проф. Сергѣевичъ фактическія обстоятельства. Хотя и эти сообщенія представляютъ «ошибку въ пониманіи» подлинной темы спора о яко бы четырехъ только, найденныхъ мною, эмоціяхъ; но въ этомъ неправильномъ сообщеніи нѣтъ никакой злостности. Крайняя затруднительность положенія, изъ котораго надо найти выходъ,—дальнѣйшее смягчающее обстоятельство. Вообще особенно порицать эти сообщенія не приходится, и даже, сравнивая ихъ съ другими, и принимая во вниманіе, что въ этомъ случаѣ не проявляется упорства въ поддерживаніи неправдивыхъ сообщеній, можно ихъ похвалить.

Но, далѣе, къ этому основному изображенію дѣла добавлены аксессуаріи, имѣющіе уже менѣе невинный видъ.

Между тѣмъ какъ въ области другихъ вопросовъ, возбужденныхъ моимъ разборомъ критики Введенія, можно рассчитывать на то, что читатели забыли отдѣльные пункты обвиненія и основанія ихъ (а справляться, сравнивать тексты и т. д. не стануть), въ данномъ случаѣ положеніе хуже. Противопоставленіе категорическимъ и повторнымъ утвержденіямъ проф. Сергѣевича, что я называю, въ качествѣ специальныхъ эмоцій, «только четыре: эмоціи голода, жажды, полового возбужденія и будительно-вставательную» (брошюра, стр. 16, стр. 18), текстовъ и ссылокъ, обнаруживающихъ, воочію, что у меня указывается и даже подробно изучается еще множество другихъ специальныхъ эмоцій,—это все таки такое поразительное и необычайное въ научномъ

мірѣ явленіе, что интересующіеся хотя въ скромной степени дѣлами науки не такъ легко могутъ его забыть.

И вотъ проф. Сергѣевичъ, изобразивъ фактическія обстоятельства и существо полемики въ указанномъ невинномъ видѣ, старается, при разсмотрѣніи вопроса о «легіонахъ», подставленнаго имъ вмѣсто вопроса о «четырехъ» эмоціяхъ, создать впечатлѣніе наличности, хоть скрытаго и косвеннаго, отвѣта и на вопросъ о четырехъ эмоціяхъ.

Дѣлаетъ онъ это въ двойной формѣ:

1. Во-первыхъ, къ приведенному выше сообщенію о выраженіи сомнѣнія въ существованіи «цѣлыхъ легіоновъ» спеціальныхъ эмоцій проф. Сергѣевичъ добавляетъ: «и для этого сомнѣнія были основанія: всѣ нравственныя и правовыя эмоціи суть бланкетныя, на долю спеціальныхъ остается одна животная жизнь человѣка, а эта жизнь въ главныхъ своихъ чертахъ, сводится къ пищѣ, питью, половымъ отношеніямъ и сну, къ тѣмъ четыремъ эмоціямъ, о которыхъ говоритъ и авторъ» (стр. 116).

Само собою разумѣется, въ этомъ нѣтъ никакого отвѣта и оправданія того, что надо было объяснить и оправдать.

Во-первыхъ, если даже предположить возможность вѣры, вопреки содержанію моей книги и просто здравому смыслу, въ возможность сведенія человѣческой жизни, за предѣлами дѣйствія эмоцій долга, нравственныхъ и правовыхъ эмоцій, къ животной жизни (у меня, между прочимъ, называются въ качествѣ спеціальныхъ и такія эмоціи, какъ военныя, политическія, рабочія, соотвѣтствующія разнымъ видамъ труда

и проч. и проч.) и, далѣе, если предположить дальнѣйшую вѣру въ возможность сведенія животной жизни» къ пищѣ, питью, половымъ отношеніямъ и сну (у меня, между прочимъ, указываются разныя эмоціи, позывы, соотвѣтствующія разнымъ выдѣленіямъ, затѣмъ разныя эмоціи, соотвѣтствующія искусственнымъ потребностямъ курищихъ табакъ, алкоголиковъ, морфинистовъ и проч., затѣмъ разныя отталкивающія и удерживающія эмоціи, регулирующія спасеніе отъ враговъ и разныхъ другихъ опасностей и вредныхъ воздѣйствій, напр., страхъ, эмоціи, возбуждаемыя прикосновеніями паука или иныхъ насѣкомыхъ и проч. и проч.),— то все-таки проф. Сергѣевичу не можетъ не быть извѣстнымъ изъ содержанія моего изложенія эмоцій и изъ напоминанія объ этомъ содержаніи въ статьѣ, на которую онъ отвѣчаетъ, что даже и полное и абсолютное сведеніе всей жизни человѣческой «къ пищѣ, питью, половымъ отношеніямъ и сну» рѣшительно ничего не оправдываетъ и не объясняетъ; это уже потому, что я уже въ этихъ четырехъ, произвольно избранныхъ проф. Сергѣевичемъ, областяхъ указывалъ не четыре, какъ увѣрялъ проф. Сергѣевичъ, а множество эмоцій; что, какъ уже упомянуто выше, во главѣ ученія объ эмоціяхъ у меня имѣется изученіе сложной системы положительныхъ и отталкивающихъ эмоцій, регулирующихъ питаніе въ тѣсномъ смыслѣ, добываніе объектовъ питанія и т. д., Введеніе § 13: «Другія моторныя раздраженія, относящіяся къ питанію»; что и въ области питья, половой жизни, и сна имѣются и указаны мною не три только эмоціи, а и разныя другія, въ частности наряду съ поло-

жительными, удерживающія отъ излишествъ, отталкивающія отъ вреднаго и проч.

Во-вторыхъ, даже если предположить всѣ указанныя невѣроятныя вѣры: въ возможность сведенія къ животной жизни, —этой жизни къ четыремъ только фізіологическимъ отправленіямъ и, наконецъ,—этихъ четырехъ правленій—къ четыремъ только эмоціямъ, по одной для cadaго,—все-таки нѣтъ никакого оправданія и объясненія. Ибо эти три вѣры появились впервые теперь, въ «отвѣтѣ», какъ своеобразныя научныя теоріи и убѣжденія проф. Сергѣевича; а въ своей критикѣ проф. Сергѣевичъ сообщалъ совсѣмъ другое, а именно приписывалъ ученіе о четырехъ эмоціяхъ не себѣ, а мнѣ, утверждалъ, для дискредитированія моего ученія и пользованія въ дальнѣйшихъ полемическихъ манипуляціяхъ, что «въ дѣйствительности онъ (т. е. я) называетъ только четыре: эмоцію голода, жажды полового возбужденія и будительно-вставательную».

Отъ этого смѣлаго утвержденія первоначальной критики осталось въ «отвѣтѣ» болѣе скромное утвержденіе, что о подлежащихъ эмоціяхъ говорится и въ моей книгѣ: «эта жизнь, въ главныхъ своихъ чертахъ, сводится къ пищѣ, питью, половымъ отношеніямъ и сну, къ тѣмъ четыремъ эмоціямъ, о которыхъ говоритъ и авторъ». Здѣсь «только» недостаетъ «только». Но, несмотря на эти метаморфозы, получается впечатлѣніе какого-то объясненія и оправданія по поводу четырехъ эмоцій.

2. Затѣмъ, вторая форма созданія впечатлѣнія какого-то оправданія, и при томъ—и это наиболѣе недостойное явленіе этой части поле-

мики—форма, сознательно неосновательно набрасывающая тѣнь на противника, состоитъ въ сообщеніи моего доказательства тезиса о легионахъ, подставленнаго вмѣсто подлиннаго моего тезиса о неправильности сообщенія о четырехъ эмоціяхъ. Подлежащее сообщеніе, слѣдующее за приведеннымъ выше (стр. 56) изображеніемъ фактическаго положенія дѣла, и заключеніе «отвѣта» по вопросу о четырехъ эмоціяхъ гласитъ (стр. 116):

«Онъ приводитъ въ свою пользу новый рядъ специальныхъ эмоцій и между ними «эмоціи любопытства, страха, стыда, честолюбія, тщеславія»; далѣе: «каритативныя эмоціи (благожелательныя эмоціи, лежащія въ основаніи симпатіи, дружбы, любви, милосердія, состраданія и проч.), одіозныя эмоціи (зложелательныя, обнимающія злость, гнѣвъ, ярость, жажду мщенія, зависти и т. п.)» (176). Но все это эмоціи бланкетныя, а не спеціальныя; это повтореніе только что указаннаго самопротиворѣчія. Полемика вещь неблагодарная и вообще трудная, но особенно трудно вести полемику съ ученымъ, который самъ не знаетъ, что и какъ онъ доказываетъ!»

Утвержденіе о «повтореніи только что указанного противорѣчія» означаетъ утилизацию, находящагося на предыдущей страницѣ «отвѣта», перепечатаннаго выше, стр. 45, отрывка, въ которомъ проф. Сергѣевичъ оперируетъ надъ текстомъ, перепечатаннымъ изъ § 1 Теоріи изданія 1907 и то сообщаетъ о какихъ то «измѣненіяхъ», то беретъ подлежащія слова обратно въ незамѣтной для читателя формѣ: «Любо-

пытно, что онъ только повторяетъ ошибку, уже сдѣланную имъ еще въ 1907 году на стр. 8 и 9 теоріи».

Скрывая множество другихъ документальныхъ данныхъ, приведенныхъ мною для доказательства, не тезиса о легіонахъ, а неправильности сообщенія о четырехъ эмоціяхъ, проф. Сергѣевичъ обнаруживаетъ только одно изъ нихъ, а именно часть текста, надъ которымъ онъ уже производилъ свои операци на предыдущей страницѣ.

Подготовленное тамъ въ безопасной формѣ (со взятіемъ сообщенія назадъ) впечатлѣніе, что я ввожу въ полемику какія то новости, здѣсь утилизируется и укрѣпляется дальше: «приводить въ свою пользу новый рядъ специальныхъ эмоцій»... Но и здѣсь, въ случаѣ соотвѣтственнаго обвиненія можно сослаться на то, что въ своемъ мѣстѣ указано, что дѣло идетъ только о повтореніи того, что уже имѣется на стр. 8 и 9 Теоріи изд. 1907 г.; а слова «новый рядъ» означаютъ просто «новый» по отношенію къ «тѣмъ четыремъ эмоціямъ, о которыхъ говоритъ и авторъ».

Равнымъ образомъ на предыдущей страницѣ подготовленъ и аргументъ, имѣющій видъ аргумента по существу, въ отличіе отъ двусмысленныхъ выраженій, вызывающихъ у читателя неправильныя впечатлѣнія и могущихъ быть объясненными въ очень невинномъ смыслѣ.

Этотъ аргументъ состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію проф. Сергѣевича, высказанному на предыдущей,—115 страницѣ, «любовь, тщеславіе, честолюбіе», суть «нравственныя эмоціи», а такъ какъ я нравственныя эмоціи называю

бланкетными, то и любовь, тщеславіе и честолюбіе мнѣ слѣдовало относить не къ спеціальнымъ, а бланкетнымъ эмоціямъ. Теперь, на стр. 116, проф. Сергѣевичъ относить уже и эмоціи любопытства, страха, злости, ярости, зависти и т. д. къ «нравственнымъ» и распространяетъ и на нихъ аргументъ о самопротиворѣчии, скрывая множество другихъ мѣстъ моего изложенія въ Введеніи, приведенныхъ и въ статьѣ, на которую онъ отвѣчаетъ, гдѣ говорится о множествѣ такихъ спеціальныхъ эмоцій, которыя, какъ, напр., разные позывы къ выдѣленіямъ, охотничьи эмоціи хищныхъ животныхъ и т. п. и онъ самъ, вѣроятно, не счелъ бы возможнымъ отнести къ «нравственнымъ».

Но, если и оставить въ сторонѣ все скрытыя проф. Сергѣевичемъ мѣста моихъ книгъ и статьи, за исключеніемъ одного, наиболее удобнаго и избраннаго проф. Сергѣевичемъ, и все соотвѣтственныя эмоціи, и повѣрить, что онъ считаетъ любопытство, ярость и т. п., нравственными эмоціями, или даже предположить, что любопытство и т. д. подходитъ подъ мое понятіе этическихъ эмоцій, эмоцій долга, такъ, что, приводя эти эмоціи въ § 1 теоріи въ качествѣ спеціальныхъ эмоцій, я совершаю непослѣдовательность,— все-таки въ аргументѣ нѣтъ никакого объясненія и оправданія.

Это отговорки по той же схемѣ, о которой намъ уже приходилось говорить выше, стр. 22:

Кошелек и не было совсѣмъ—быль, но плохой и его слѣдовало бы все равно выбросить.

Если же принять во вниманіе сокрытіе множества другихъ текстовъ и эмоцій, для которыхъ и этотъ аргументъ не годится, то и эта схема

оказывается недостаточною. Она нуждается въ дополненіи, въ родѣ: «что же касается часовъ, то я захватилъ ихъ съ собою въ придачу, въ вознагражденіе за услугу освобожденія отъ плохого кошелька».

V.

Слѣдующею темою объясненій проф. Сергѣевича является такая:

Въ § 15 Введенія: «Діагностика эмоцій и методы изученія эмоцій и ихъ акцій» я указываю, что эмоціи обыкновенно протекаютъ незамѣтно для насъ вслѣдствіе малой интенсивности возбужденія, но, что «при наличности извѣстныхъ особыхъ условій такія эмоціи, которыя обыкновенно бываютъ относительно слабы и незамѣтны, нераспознаваемы, достигаютъ чрезвычайно сильнаго подъема, интенсивности и дѣлаются замѣтными и доступными наблюденію» (стр. 271, 1-го изд.); затѣмъ я перехожу къ изученію этихъ условій (стр. 271 и сл.), въ томъ числѣ такихъ, которыя могутъ быть умышленно создаваемы для цѣлей экспериментальнаго изслѣдованія; здѣсь рѣчь идетъ о методахъ, названныхъ мною условно «методомъ противодѣйствія» (стр. 273 и сл.) и «методомъ дразненія» (277 и сл.), при чемъ приводятся ряды примѣровъ примѣненія этихъ методовъ и поддающихся съ ихъ помощью весьма легкому открытію и интроспективному изученію эмоцій (вопреки утверженію проф. Сергѣевича о четырехъ только эмоціяхъ). Изложивъ, подъ именемъ «субъективнаго діагноза», т. е. интроспективнаго, самонаблюдательнаго открытія и изученія, это изученіе, я, затѣмъ, во второй части параграфа, говорю объ изученіи физиологиче-

скаго дѣйствія, вообще «акцій», уже открытыхъ и извѣстныхъ эмоцій, стр. 283 и сл., а затѣмъ говорю о возможности, на почвѣ познанія эмоцій и ихъ акцій, открывать—in concreto у себя или у другихъ (напр., животныхъ, дѣтей и т. д.) наличность извѣстной эмоціи (природа которой и акція уже нами изучена) по ея проявленіямъ, по ея акціи, что я называю объективнымъ діагнозомъ (примѣненіе соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія).

Проф. Сергѣевичъ совершилъ въ своей критикѣ по поводу этого спеціального методологическаго ученія такое же литературное злоупотребленіе, какъ по поводу моего общаго ученія объ изученіи психическихъ явленій (§ 3), только въ иномъ направленіи. А именно, онъ подмѣнилъ смыслъ моего положенія объ обыкновенной недоступности эмоцій внутреннему наблюденію (и недоступности этихъ же эмоцій внутреннему наблюденію, при нѣкоторыхъ, особыхъ, условіяхъ) совсѣмъ другимъ смысломъ, а именно, тѣмъ (стр. 17), что эмоціи вообще не поддаются внутреннему наблюденію, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, исключительныхъ эмоцій (акихъ я, по повторному неправдивому сообщенію критика, стр. 18, указываю только четыре); сообразно съ этимъ онъ скрылъ мое ученіе о «субъективномъ діагнозѣ», первую часть § 15, сообщилъ, въ искаженномъ видѣ, нѣкоторые тезисы изъ второй части § 15, злоупотребляя кавычками для придаванія имъ вида подлинныхъ тезисовъ, и вывелъ заключеніе: «итакъ, легионы открытыхъ авторомъ эмоцій совсѣмъ не подлежатъ нашему наблюденію. Они незримы. Исключительныхъ эмоцій, доступныхъ внутреннему наблюденію,

авторъ указываетъ только четыре: эмоціи голода, жажды, половыхъ возбужденій и будительно-вставательную» (стр. 18). Характерно, что, по поводу моего § 3 Введенія на почвѣ указаннаго выше подмѣна понятій («наблюденіе» и «изученіе») и сокрытія второй части изложенія, онъ приписывалъ мнѣ отрицаніе внѣшняго наблюденія; а здѣсь, по поводу § 15, тоже на почвѣ подмѣна понятій и сокрытія дѣйствительнаго содержанія, но уже первой части параграфа, приписалъ противоположное, отрицаніе примѣнимости самонаблюденія и ученіе о единственной примѣнимости внѣшняго наблюденія; т. е. его вовсе не стѣсняло то, что одно съ другимъ не вяжется и можетъ возбудить у читателя подозрѣнія.

Теперь, послѣ фактическаго разоблаченія, проф. Сергѣевичъ создаетъ внѣшній видъ объясненія и оправданія слѣдующимъ образомъ:

И въ «отвѣтъ» по этому поводу, стр. 116 и сл., онъ стыдливо умалчиваетъ о существѣ обвиненія, опять подмѣниваетъ указанные два смысла положенія объ обычной нераспознаваемости эмоцій, опять скрываетъ содержаніе первой половины § 15, ученіе о субъективномъ діагнозѣ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, приводитъ отрывки, теперь уже подлинныя, изъ второй части § 15 (говорящей о констатированіи *in concreto* наличности уже извѣстныхъ, изученныхъ эмоцій), и занимается ихъ критикою. Лейтмотивомъ этой критики, играющей роль изображенія какого то объясненія и оправданія, является многократно и настойчиво повторяемая комбинація трехъ положеній. Во-первыхъ того, добытаго путемъ подмѣна понятій, положенія, что эмоціи, по моему ученію, состоятъ изъ пре-

терпѣваній и тѣлодвиженій, акцій. Во-вторыхъ, того положенія, что и первый и вторья доступны самонаблюдению (т. е. психологической несообразности, показывающей или то, что проф. Сергѣевичъ не знаетъ, что значитъ терминъ самонаблюденіе, интроспективный методъ, психологическое наблюденіе, и думаетъ, что если кто-либо смотритъ на свою руку или ногу, то онъ примѣняетъ этотъ методъ, или, что здѣсь имѣется притворное только незнаніе для изображенія критики и спора, за отсутствіемъ лучшаго матеріала). Въ-третьихъ, положеніе, что, стало-быть, нѣтъ никакой надобности въ тѣхъ особыхъ приѣмахъ изученія, о которыхъ говорится въ той части § 15, которой онъ не утаиваетъ.

«Эмоція, какъ утверждаетъ онъ» (sic!), «есть двусторонній психическій феноменъ, представляющій, съ одной стороны, претерпѣваніе, съ другой—акція. Претерпѣваніе есть ощущеніе (sic!), акція есть дѣйствіе. Мои претерпѣванія всегда доступны интроспекціи, мои дѣйствія—тоже» (sic!). Какъ же авторъ утверждаетъ, что они недоступны самонаблюдению и нуждаются въ иномъ способѣ распознаванія?» (стр. 120, о сочетаніи литературныхъ злоупотребленій, заключающихся въ послѣдней фразѣ, уже сказано выше). Послѣ дальнѣйшихъ варіацій на ту же тему и изображенія невиннаго вида и удивленія, почему я недоволенъ прежнею передачею моего ученія, проф. Сергѣевичъ заключаетъ (стр. 123):

«Итакъ, весь разговоръ о незримыхъ эмоціяхъ есть результатъ недоразумѣнія: эмоціи съ обѣихъ своихъ сторонъ—всегда зримы для самонаблюденія; постановка вопроса, слѣдовательно, не вызывается эмо-

ціональної психологією, а потому не було надобности и въ мудреномъ разрѣшеніи этого вопроса.

Послѣдній абзаць весь посвященъ установленію названія новаго приѣма изученія совершенно несуществующаго явленія. Онъ долженъ называться «объективнымъ діагнозомъ», а соответствующее ученіе «объективною діагностикою». Авторъ правъ, говоря, что я не упомянулъ о его объективномъ діагнозѣ. Но упрекать меня за это не было основанія: къ такому діагнозу нѣтъ, во-первыхъ, повода, а, во-вторыхъ, въ этомъ діагнозѣ ничего нѣтъ, кромѣ мудренаго и мало кому понятнаго языка, и выраженій совершенно несоответствующихъ идеямъ его емоціональной психологіи. Упрекая меня за цитированіе только отрывочныхъ выраженій изъ его текста, да еще изъ придаточныхъ предложеній, а не главныхъ, авторъ, повидимому, думалъ, что я боялся его полнаго текста и выбиралъ только то, что для него невыгодно. Большая ошибка: весь его текстъ за меня; чѣмъ полнѣе выписки, тѣмъ больше и матеріала для возраженій. Перехожу къ послѣднему упреку, сдѣланному мнѣ моимъ критикомъ. Онъ относится къ четыремъ емоціямъ со спеціальной акціей».

По поводу этого заключенія, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ отмѣтить.

Что касается послѣдней части, то приведеніе (изъ второй части § 15) полнаго текста съ (несообразною) зовою критикою этого текста

не есть оправданіе прежнихъ искаженій, злоупотребленій кавычками, и т. д.

Что касается первой части, то объясненіе по поводу «объективнаго діагноза» по схемѣ: «кошелек не было» «кошелекъ былъ, но негодный и ему ненужный»,—не есть оправданіе главнаго грѣха, утайки ученія о субъективномъ діагнозѣ. Такъ что и здѣсь подлежащую образную схему надо пополнить: «а часы захватилъ въ придачу, за услугу и освобожденіе его отъ негоднаго кошелька».

VI.

По той же, дополненной, схемѣ построены объясненія проф. Сергѣевича по поводу «последняго упрека», относящагося «къ четыремъ эмоціямъ со спеціальной акціей».

Дѣло идетъ не объ одномъ упрекѣ, а о большомъ множествѣ таковыхъ, а именно о многочисленныхъ уличеніяхъ во многихъ литературныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ проф. Сергѣевичемъ по поводу четырехъ, яко бы единственно называемыхъ въ моихъ книгахъ, спеціальныхъ эмоцій. Проф. Сергѣевичъ и здѣсь умалчиваетъ объ этихъ упрекахъ и документальныхъ доказательствахъ ихъ правильности, выбирая для изображенія объясненія и оправданія и по поводу «последняго упрека» дѣйствительно только одинъ упрекъ; но и существо и главную часть этого упрека онъ въ свою очередь скрываетъ, сообщая только начальныя, подготовительныя положенія.

А именно, подъ видомъ сообщенія «последняго упрека» и соответственнаго оправданія проф. Сергѣевичъ говоритъ слѣдующее (стр. 124).

«Вотъ что читаемъ въ критикѣ г. Петражицкаго: «Я не только нигдѣ не утверждаю и не предполагаю косвенно, что голодь-аппетитъ всегда фактически вызываетъ «протягиваніе руки къ пищѣ»... но даже, пожалуй, съ излишнею осторожностью и педантизмомъ, выражаю и настойчиво повторяю противоположное. Прежде всего я въ § 6-мъ «Введенія» устанавливаю и подробно выясняю общія положенія, что законы природы, формулы причинной связи явленій и т. д. слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, будто въ каждомъ конкретномъ случаѣ за такимъ-то явленіемъ фактически слѣдуетъ такое-то и т. д., а лишь въ смыслѣ тенденцій, стремленій. Смыслъ такихъ формулъ состоитъ въ указаніи того, что бы было, если бы не было разныхъ осложняющихъ условій... Сообразно съ этимъ и общій законъ причинной связи иногда формулируется такъ, что всякое явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ опредѣленнымъ явленіемъ или другими опредѣленными явленіями, если къ тому нѣтъ препятствій» (188).

Ничего не имѣю противъ того, что авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ по другому вопросу о причинной связи, но дѣло не въ томъ, что у него говорится въ разныхъ мѣстахъ книги, мы уже знаемъ, что разные мѣста книги у него между собой несогласованы, а единственно въ томъ, что онъ долженъ говорить о дѣйствіи эмоцій, къ которымъ приучены опре-

дѣленные, хотя бы по общему характеру и направленію, акціи».

Дальше проф. Сергѣевичъ старается объяснить, почему я «долженъ» говорить о томъ, о чемъ я не говорю, т. е. совершаетъ подмѣнъ единственно интереснаго вопроса о томъ, что я говорю въ дѣйствительности, совершенно другимъ (и здѣсь не интереснымъ) вопросомъ: о томъ, что, по его мнѣнію, я долженъ былъ бы говорить; при томъ, подлежащее мѣсто заполняется главнымъ образомъ длиннымъ и многословнымъ, въ свою очередь не относящимся къ дѣлу, разговоромъ о сектѣ «Лйна» въ Индіи и ея основатель, о ея принципахъ (о нирванѣ и т. д.), и затѣмъ заключеніе отвѣта на «последній упрекъ», содержащее вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіе, почему я долженъ говорить не то, что говорю, а иное, гласить (126):

«Въ этой сектѣ акція эмоціи голода состоитъ въ полномъ воздержаніи отъ пищи и въ голодной смерти, акція половой эмоціи также въ полномъ воздержаніи; у насъ есть своя секта, у которой половая акція выражается въ ампутаціи нѣкоторыхъ органовъ. Представляю себѣ, какъ посмѣется надъ всѣмъ этимъ философъ эмоциональной психологіи. По его ученію, эти факты невозможны. У него, кто голоденъ, тотъ кушаетъ, ибо его эмоція—двусторонній феноменъ съ опредѣленной, хотя бы по общему характеру, акціей, а не дѣйствіе совершенно противоположное претерпѣванію, отрицающее претерпѣваніе. Протягиваніе руки къ пищѣ— есть необходимое тѣлодвиженіе этой эмоціи

и невозможно понять, какъ авторъ это отрицаетъ. Неужели онъ до такой степени смущенъ моими возраженіями, что готовъ отказаться отъ необходимыхъ логическихъ выводовъ изъ своего ученія?»

Устанавливаемые здѣсь проф. Сергѣвичемъ отъ своего имени своеобразные законы причинной связи, дѣйствующіе, по его мнѣнію, въ индійской и русской сектѣ и состоящіе въ томъ, что голодъ-аппетитъ вызываетъ здѣсь постъ и добровольную смерть, что половое возбужденіе побуждаетъ къ цѣломудрію или даже, что акція этого возбужденія состоитъ «въ ампутаціи вѣкоторыхъ органовъ», представляють, конечно, явную несообразность. Дѣло, очевидно, идетъ о поступкахъ, совершаемыхъ не благодаря, а вопреки требованіямъ и позовамъ аппетита и т. д. или для противодѣйствія имъ по другимъ, религіознымъ, мотивамъ. И это до такой степени очевидно, что возникаетъ вопросъ, вѣрнѣ ли самъ проф. Сергѣвичъ въ такія несообразности или дѣло идетъ о спасеніи и оправданіи, хотя бы цѣною притворнаго элементарнаго непониманія. Что же касается того, что онъ мнѣ здѣсь приписываетъ для объясненія, почему я «долженъ» говорить то, чего я не говорю, а именно положенія о двустороннемъ характерѣ эмоціи голода-аппетита въ смыслѣ сочетанія претерпѣванія и акціи (т. е. въ смыслѣ, добытомъ имъ путемъ подмѣна понятій) и выведеннаго имъ своеобразнаго слѣдствія: «протягиваніе руки къ пищѣ—есть необходимое тѣлодвиженіе этой эмоціи», то здѣсь, во всякомъ случаѣ, о вѣрѣ въ то, что онъ говоритъ, не можетъ быть рѣчи. Но допустимъ, что онъ самъ

вѣрить въ эти курьезы и что я «долженъ» былъ такъ говорить въ своей книгѣ.

Все-таки это не объясненіе и не оправданіе по вопросу о томъ, что я въ дѣйствительности говорю въ своей книгѣ и о чемъ я напоминаю проф. Сергѣевичу въ своемъ разборѣ его критики. Проф. Сергѣевичъ, въ отступленіе отъ принятой системы скриванія приводимыхъ мною текстовъ и цитатъ, обнаруживающихъ дѣйствительное положеніе дѣла, началъ передавать то, что я говорю (ср. выше стр. 70), сообщилъ первый пунктъ: «Прежде всего я въ § 6-мъ Введенія устанавливаю» и т. д., но на этомъ «Прежде всего» дѣло кончилось. «Затѣмъ», «во-вторыхъ», «въ третьихъ» и т. д. уже нѣтъ. Уже изъ такого его изложенія видно, что онъ, начавъ передачу моего «последняго упрека», уже въ началѣ запнулся и — спасся въ Индію, подальше отъ того, что у меня говорится послѣ «Прежде всего», увлекая съ собою читателя и его вниманіе. И вообще неприятную тему о томъ, что у меня говорится въ дѣйствительности, онъ поспѣшилъ замѣнить болѣе удобнымъ для него разговоромъ о томъ, что, по его мнѣнію, я «долженъ въ говорить».

То продолженіе моего текста, предъ которымъ проф. Сергѣевичъ запнулся и сообщенію котораго онъ предпочелъ перемѣну разговора и направленіе взоровъ въ Индію, гласитъ:

«Казалось бы, такія предварительныя объясненія уже достаточны для того, чтобы исключить возможность добросовѣстныхъ заблужденій относительно смысла устанавливаемыхъ мною дальше формулъ причинной связи, въ частности такого толкованія

этихъ формулъ (вопреки ихъ смыслу и смыслу закона причинной связи вообще), что будто бы я утверждаю, что такой-то факторъ всегда фактически вызываетъ такия то явленія.

Тѣмъ не менѣе я, говоря о причинномъ дѣйствіи (акціяхъ) эмоцій, напоминаю и повторяю многократно, что дѣло идетъ не о фактическомъ вызваніи во всѣхъ конкретныхъ случаяхъ подлежащихъ явленій, а о тенденціи вызванія (т. е. о фактическомъ вызваніи въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ противодѣйствующихъ факторовъ). Какъ, между прочимъ, видно изъ приведеннаго выше (стр. 170 и сл.) отрывка, моя общая характеристика эмоцій со спеціальными акціями начинается словами: «Нѣкоторыя эмоціи имѣютъ тенденцію вызывать опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально пріуроченное поведеніе»... Формула, опредѣляющая общимъ образомъ характеръ подлежащихъ процессовъ, гласитъ: «спеціальныя импульсіи имѣютъ тенденціи превращать организмъ..» (тамъ же, выше, стр. 171). Говоря спеціально объ акціи голода-аппетита, я тоже напоминаю и повторяю, что дѣло идетъ о тенденціи вызванія, ср., напр., Введ., 229 стр. 1-го изд.: «голодь-аппетитъ имѣетъ тенденцію (какъ это можно констатировать путемъ внимательныхъ самонаблюденій и опытовъ съ другими) создавать такое»... На той же страницѣ: «На основаніи приведеннаго... матеріала получается индуктивный выводъ, что голоду-аппетиту

свойственна тенденція вызывають и, по мѣрѣ своего усиленія, усиливать такую интеллектуальную... дѣятельность» и т. д. На той же страницѣ: «Голодь имѣеть тенденцію вызывають соответственное направленіе вниманія»... Такія же напоминанія и повторенія идутъ дальше. Мой общій выводъ, общая формула акціи аппетита (стр. 232, 1-го изд.) гласить: «Моторное раздраженіе—психологическій голодь имѣеть тенденцію превращать организмъ»... и т. д. То же видно изъ множества другихъ мѣстъ моего изложенія, между прочимъ, и изъ того мѣста, то укрываемаго, то обнаруживаемаго проф. Сергѣевичемъ, гдѣ я говорю о методахъ изученія эмоцій и ихъ акцій, въ частности о методахъ противодѣйствія и дразненія. Ибо тамъ рѣчь идетъ объ умышленныхъ, для экспериментальныхъ цѣлей, дѣйствіяхъ вопреки эмоціальному позывамъ, о недѣланіи того, что относится къ акціямъ данныхъ эмоцій, о дѣланіи противоположнаго и т. д. и т. д. (Ср. Введеніе, стр. 273 и сл., Теорія I, стр. 5: «напр., эмоціи аппетита, жажды достигаютъ большой силы въ случаѣ воздержанія отъ удовлетворенія ихъ требованій»).

Такимъ образомъ, проф. Сергѣевичу совершенно не нужно было обращаться къ историкамъ и натуралистамъ и ихъ свидѣтельствамъ о крокодилахъ и змѣяхъ, попавшихъ въ неволю, для того, чтобы убѣдить меня и моихъ слушателей, довѣряющихъ профессору, что голодные иногда

они воздерживаются отъ ѣды, тѣмъ болѣе лишне и неумѣстно съ научной точки зрѣнія, что и эти примѣры выбраны неудачно; они не только ничего не доказываютъ противъ моей теоріи, но даже ничего не доказываютъ и въ пользу того, что якобы проф. Сергѣевичу приходится доказывать; ибо у дикихъ животныхъ, попавшихъ въ плѣнъ, бываетъ, подъ вліяніемъ эмоціи страха, потеря аппетита (психологическаго голода, несмотря на физиологическое голоданіе организма, каковыя вещи слѣдуетъ строго различать). Страннымъ образомъ и случаи, отысканные проф. Сергѣевичемъ, какъ уничтожающія новости для меня, предусмотрѣны мною, указываются мною въ «Введеніи» на стр. 227: «психическія воздѣйствія, устраняющія надолго психологическій голодъ, напр., сильный испугъ (годный объектъ для эксперимента дикія, а не ручныя животныя), надолго устраняютъ ѣду» и т. д. Между прочимъ, ограничиваясь по поводу попавшихъ въ плѣнъ дикихъ животныхъ, крокодиловъ и змѣй, тезисомъ: «Для меня ясно только то, что и у нихъ не дѣйствуетъ двусторонняя эмоція голода, открытая самонаблюденіемъ Л. І. Петражицкаго и постоянно дѣйствующая въ немъ», по поводу людей проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ видъ, что доказалъ еще что-то большее противъ моей теоріи, подчеркивая, что въ подлежащихъ случаяхъ «мы имѣемъ дѣло не съ эмоціональными акціями въ смыслѣ эмоціональной психологіи, а съ цѣлевыми и волевыми дѣйствіями».

ми». Но и это литературное злоупотребленіе. Я нигдѣ не отрицаю цѣлевыхъ и волевыхъ дѣйствій, не только признаю эти дѣйствія, но излагаю въ подлежащемъ мѣстѣ свою теорію цѣлевой мотиваціи, различая разные виды цѣлей и соответственныхъ мотивовъ поведения (ср. «Теорія» I, стр. 13 и сл., 1-го изд.); мало того, специально по поводу голода-аппетита у меня въ разныхъ мѣстахъ говорится о цѣлевомъ и волевомъ воздержаніи отъ ѣды (ср. приведенное выше мѣсто о воздержаніи отъ ѣды для экспериментальныхъ цѣлей, ср. также заключительные тезисы моей теоріи голода-аппетита и его акціи, стр. 235 и сл., гдѣ какъ разъ говорится о подавленіи волею разныхъ элементовъ акціи голода-аппетита, напр.: «Такіе (элементы акціи голода-аппетита), которые поддаются воздѣйствію воли, при наличности соответственной воли могутъ быть остановлены, подавлены, напримѣръ, системы движеній (сокращеній мускуловъ), составляющихъ схватываніе пищи и жеваніе», и т. д.).

Изъ приведеннаго также видно, почему проф. Сергѣевичъ въ данномъ случаѣ отступилъ отъ системы утаиванія приводимыхъ мною доказательствъ неправильности его фактическихъ сообщеній и сознательности этихъ поступковъ. Я имѣлъ неосторожность начать свое изложеніе съ указанія на то, что у меня говорится о законахъ причинной связи, какъ тенденціяхъ, а не о изображеніи всегда фактически бывающаго, въ другомъ параграфѣ книги; это, на почвѣ утайки продолженія, уже касающагося специально при-

чиннаго дѣйствія эмоцій, въ томъ числѣ голода-аппетита, и не «другого мѣста книги», а именно «того самаго», дало возможность проф. Сергѣевичу не только не скрывать, а перепечатать подлежащій начальный кусокъ текста, и даже оперировать имъ дальше въ пользу своего оправданія. «Ничего не имѣю противъ того, что авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ по вопросу о причинной связи» и т. д. Этотъ благопріятный случай совершить литературное злоупотребленіе съ весьма благовиднымъ и не внушающимъ подозрѣнія вѣншимъ обликомъ, благовиднымъ и для умнаго читателя, въ отличіе отъ другихъ манипуляцій, рассчитанныхъ не только на незнаніе фактовъ, но и на низкій умственный уровень,—представляется проф. Сергѣевичу особенно цѣнною находкою. А именно, использовавъ ее въ качествѣ спеціального средства защиты по спеціальному вопросу, онъ же пользуется для слѣдующаго затѣмъ общаго заключенія полемики объ эмоціональной психологіи.

Его общее заключеніе (стр. 127) состоитъ въ изображеніи триумфа по поводу того, что его критика моей эмоціональной психологіи заставила меня согласиться съ его аргументами. Между тѣмъ, какъ по ученію «Введенія» эмоція состоитъ изъ претерпѣваній и непременно наличныхъ соотвѣтственныхъ тѣлодвиженій, въ области голода «протягиваніе руки къ пищѣ—есть не-обходимое тѣлодвиженіе этой эмоціи» и т. д., теперь, впервые, въ своей полемикѣ съ нимъ, я отказываюсь отъ этого ученія. «Теперь онъ (г. Петражицкій) утверждаетъ, что всякое явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ только въ томъ случаѣ, если къ тому нѣтъ пре-

пятствій. Это выраженіе онъ беретъ изъ § 6 Введенія, въ которомъ рѣчь идетъ о причинной связи явленій, а не объ эмоціяхъ. Теперь онъ примѣняетъ это положеніе и къ эмоціямъ со спеціальной акціей, и выходитъ, что эмоцій со спеціальной акціей нѣтъ, что всѣ онѣ бланкетныя, это именно то, что я утверждалъ, опровергая его ученіе.

Въ чемъ состоитъ его ученіе въ настоящую минуту? Его ученіемъ настоящей минуты—надо, конечно, считать послѣднее, высказанное въ его критикѣ, и состоящее въ томъ, что акція вызывается претерпѣваніемъ не непосредственно, а если къ тому нѣтъ препятствій. Я этимъ очень доволенъ, но можетъ ли быть доволенъ авторъ эмоціональной психологіи, открывшій двусторонніе психическіе феномены, въ которыхъ претерпѣваніе непосредственно вызываетъ соответственную ему акцію?»

По поводу этого, явно неправдиваго, общаго заключенія о результатахъ полемики и предыдущей попытки оправданія приписыванія мнѣ явной несообразности: «Протягиваніе руки къ пищѣ — есть необходимое тѣлодвиженіе этой эмоціи» (голода), приходится еще отмѣтить:

Взглянувъ на избранную проф. Сергѣевичемъ часть моего текста въ качествѣ удобной для него, при утайкѣ продолженія, читатель можетъ замѣтить, что и она перепечатана не полностью и это честно отмѣчено проф. Сергѣевичемъ многоточіемъ (ср. выше о прогрессѣ отвѣта по сравненію съ его первою критикою въ отношеніи примѣненія кавычекъ). Въ данномъ случаѣ многоточіемъ отмѣченъ пропускъ слѣдующихъ моихъ словъ: «вообще тѣ явленія, которыя я отношу къ

акціи аппетита (голода въ психологическомъ смыслѣ)». Объ экономіи мѣста не можетъ быть рѣчи, ибо въ этой же части «отвѣта» и въ другихъ проявляется въ поразительной формѣ тенденція сдѣлать объясненія возможно болѣе длинными, имѣющими видъ обстоятельныхъ отвѣтовъ, приводятся длинные, совершенно не относящіеся къ дѣлу, тексты, взаимно важныхъ, скрываемыхъ, идутъ безконечныя повторенія, печатаются многословные и ненужные рассказы и проч. ¹⁾). Проф. Сергѣевичъ неустанно повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ своего отвѣта, кстати и некстати, сообщенія, будто по моему ученію акція голода-аппетита всегда состоитъ въ фѣѣ, ср., напр., стр. 114: «акція эмоціи голода-аппетита всегда одна—ѣда», тамъ же: «акція этой

¹⁾ Между прочимъ, по поводу „последняго упрека“, кромѣ явно ненужныхъ рассказовъ о сектѣ Яйна, Кагман, нирванѣ, о самоубійствѣ путемъ голодной смерти основателя секты и т. д., проф. Сергѣевичъ рассказываетъ еще, что онъ встрѣтилъ въ моемъ разборѣ его критики слово „комедія“, что онъ по этому поводу справлялся въ академическомъ словарѣ и нашелъ тамъ объясненіе слова комедія, какъ „смѣшного событія“. Это, кромѣ отвлеченія и разсѣянія вниманія читателя посторонними вещами, повидимому, должно означать критику примѣненія этого слова съ моей стороны. Но каждый знаетъ и безъ справокъ въ академическомъ словарѣ и рассказовъ объ этомъ, что выраженія „комедія“, „играть комедію“, „комедіантъ“ и т. д. означаютъ притворство, сознательную неправдивость; изображеніе вида того, чего нѣтъ; слово „комедія“ было, конечно, примѣнено въ этомъ смыслѣ и совершенно кстати; оно вполне примѣнимо и къ рассказу проф. Сергѣевича о словѣ „комедія“ и ко всему его отвѣту, представляющему не подлинный отвѣтъ, а только изображеніе внѣшняго вида такового.

эмоціи—ѣда», стр. 125; «но акція всегда—ѣда», стр. 126 «протягиваніе руки къ пищѣ — есть, необходимое тѣлодвиженіе этой эмоціи». Это, какъ и другія еще болѣе частыя и настойчивыя повторенія, въ частности сообщеній, будто эмоціи, по моему ученію, состоятъ изъ претерпѣваній и тѣлодвиженій, является замѣняющимъ фактическія подтвержденія средствами внушенія читателю вѣры въ то, что это въ самомъ дѣлѣ правда, и представляетъ уже само по себѣ психологическій симптомъ того, что дѣло идетъ о внушеніи вѣры въ то, чего нѣтъ. И дѣйствительно, взглянувъ на подлинное мое ученіе объ акціи аппетита (Введеніе § 12, въ 1-мъ изд. стр. 227 и сл., въ 3-мъ изд. стр. 189 и сл., ср. также «Теорія» I § 1 и выше, стр. 74 и сл.), не трудно констатировать, что сообщеніе проф. Сергѣевича о ѣдѣ, какъ непремѣнной акціи голода-аппетита (или даже, какъ о составной части аппетита) заключаютъ въ себѣ два явно неправдивыя сообщенія (или три сразу, поскольку дѣло идетъ о составной части аппетита). А именно, не только то неправда, будто явленія, относимыя мною къ акціи аппетита, всегда и неизмѣнно возникаютъ при наличности аппетита (дѣло идетъ, какъ уже видно изъ изложеннаго, только о тенденціи вызванія), но и то, будто эти явленія, когда они дѣйствительно возникаютъ (когда нѣтъ осложненій, мѣшающихъ ихъ возникновенію), состоятъ непремѣнно въ ѣдѣ.

Вмѣсто подобной нелѣпости (для критики которой незначѣмъ искать особыхъ фактовъ въ Индіи, а достаточно, напр., спросить, «а когда нечего ѣсть?» или т. п.) у меня имѣется указаніе множества различныхъ возможныхъ явленій,

какъ дѣйствій аппетита. Для иллюстраціи правдивости проф. Сергѣевича достаточно перепечатать здѣсь начало подлежащаго текста Введенія:

«Нижеслѣдующія замѣчанія ограничиваются сравнительно весьма скромною задачею уяснить— на почвѣ общеизвѣстныхъ или поддающихся наблюденію каждаго безъ особуыхъ приспособленій и инструментовъ фактовъ—общій характеръ и направленіе причинныхъ свойствъ (тенденцій) голода-аппетита, поскольку это необходимо для уясненія и обоснованія нѣкоторыхъ еще болѣе общихъ идей.

Ближайшимъ слѣдствіемъ появленія голода-аппетита (или достиженія съ его стороны извѣстной степени интенсивности, поскольку соответственная тенденція аппетита встрѣчаетъ требующее преодоленія препятствіе со стороны другихъ моторныхъ раздраженій, дѣйствующихъ въ иномъ направленіи, ср. ниже) бываетъ прекращеніе прежняго ассоціативнаго теченія идей (или цѣпи мысли) и появленіе въ сознаніи такихъ представленій или мыслей и ихъ рядовъ и цѣпей, которыя не связаны ассоціативно или логически съ предыдущими идеями, а касаются питанія, ѣды и того, что съ этимъ ассоціативно или логически связано (напр., времени, остающагося до обѣда, поэтому внѣшнимъ симптомомъ появленія аппетита бываетъ посматриваніе на часы, средствъ поскорѣе окончить еще остающуюся работу и т. п.). При перемежающихся появленіяхъ и исчезновеніяхъ голода-аппетита безъ удовлетворенія можно наблюдать соответственныя перемежающіяся измѣненія содержанія и направленія ассоціативнаго и мыслительнаго теченія идей; живость, интенсивность и быстрота

движенія этихъ интеллектуальныхъ процессовъ *ceteris paribus* тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе приступы аппетита; въ частности съ постепеннымъ возрастаніемъ интенсивности приступовъ голода-аппетита соотвѣтственные представленія достигаютъ такой интенсивности, такой живости и отчетливости, что они дѣлаются въ этомъ отношеніи похожими на воспріятія и, наконецъ, приобрѣтаютъ вполне галлюцинаторный характеръ—начинается ненормальное дѣйствіе интеллекта, извѣстное подъ именемъ голоднаго *delirium* (постоянное галлюцинированіе и бредъ на соотвѣтственные темы). Сновидѣнія голоднаго тоже имѣютъ своимъ предметомъ разные яства и т. п.».

И точно такъ же продолженіе, слѣдующее за этимъ отрывкомъ и касающееся тенденцій дѣйствія аппетита въ области воспріятій, направленія вниманія, вообще въ области психическихъ процессовъ (психическая акція аппетита), а затѣмъ и въ области физиологическихъ процессовъ (повышенія дѣятельности разныхъ железъ, слюнныхъ, выдѣляющихъ желудочный сокъ и т. д.), есть сплошной рядъ свидѣтельствъ о смѣлости утвержденія проф. Сергѣевича—уже потому, что почти вездѣ дѣло идетъ о разныхъ акціяхъ голода-аппетита именно при отсутствіи фды (согласно моимъ общимъ методологическимъ указаніямъ о методѣ противодѣйствія эмоціямъ, неудовлетворенія ихъ, какъ средства усиленія и познанія самихъ эмоцій и ихъ психологическихъ и физиологическихъ акцій).

Мои скрытыя и замѣненныя проф. Сергѣевичемъ многоточіемъ слова «вообще тѣ явленія, которыя я отношу къ акціи аппетита» именно

напоминають внимательному читателю о томъ, что дѣло идетъ вовсе не непременно о ѣдѣ, которую проф. Сергѣевичу необходимо выставить, какъ всегдашнее и необходимое «тѣлодвиженіе этой эмоціи».

Съ психологической точки зрѣнія такая боязливость и тщательность въ скриваніи и мелкихъ слѣдовъ правды интересна и характерна при сопоставленіи ихъ съ проявляемою въ то же время поразительною и исключительною смѣлостью неправдивыхъ сообщеній и увѣренностью въ расчетѣ на то, что читатель не станетъ спрашивать, провѣрять и т. д.

Въ основѣ своей оправданіе проф. Сергѣевича по поводу «последняго упрека», какъ видно изъ указанной выше перемѣны темы («дѣло не въ томъ, что у него говорится... а единственно въ томъ, что онъ долженъ говорить»... и т. д. ср. выше стр. 70) соотвѣтствуетъ схемѣ: кошелька не было... кошелекъ былъ негодный и т. д.

Принимая же во вниманіе, что въ своей первоначальной критикѣ проф. Сергѣевичъ, на почвѣ неправдиваго сообщенія о яко бы четырехъ только найденныхъ и указанныхъ мною эмоціяхъ, для окончательнаго уничтоженія теоріи эмоцій придумалъ по поводу аппетита и трехъ остальныхъ эмоцій еще много разныхъ другихъ небылицъ вопреки яснымъ противоположнымъ тезисамъ подлиннаго текста (ср. мою статью, стр. 185 и сл. или брошюру, стр. 34 и сл.) и что объ этихъ выдумкахъ и соотвѣтственныхъ уличеніяхъ онъ теперь вообще умалчиваетъ, приходится къ указанной схемѣ сдѣлать еще извѣстную уже намъ добавку о часахъ, захваченныхъ въ придачу.

Къ разсмотрѣннымъ выше объясненіямъ проф. Сергѣевичъ прибавляетъ, въ заключеніе, еще слѣд. слова (стр. 128):

«Я исчерпалъ всѣ возраженія г. Петражицкаго на мой разборъ его труда; но кромѣ критики моего разбора онъ даетъ еще и критику моей личности. Эти выпады на меня я оставляю безъ вниманія и прохожу ихъ полнымъ молчаніемъ».

Уже изъ предыдущаго разбора объясненій проф. Сергѣевича видно, насколько его утвержденіе объ отвѣтѣ на «всѣ возраженія» соответствуетъ дѣйствительности (хотя этотъ разборъ, за исключеніемъ случая «последняго упрека», не содержитъ въ себѣ вторичнаго напоминанія разныхъ частныхъ нарушеній, сдѣланныхъ проф. Сергѣевичемъ въ первой критикѣ, и моихъ опроверженій, поскольку подлежащіе вопросы обойдены въ отвѣтѣ проф. Сергѣевича молчаніемъ).

Даже если оставаться въ предѣлахъ обсуждаемыхъ въ отвѣтѣ проф. Сергѣевича темъ, правильнѣе было бы сказать: «Я скрылъ почти всѣ возраженія г. Петражицкаго»: всѣ указанія его на подмѣны понятій, въ томъ числѣ главные и основные, подмѣнъ понятій «наблюденіе» и «изученіе», положенный въ основу критики его методологіи, и подмѣнъ понятій «внутренніе позывы, стремленія» и «тѣлодвиженія», положенный въ основу критики эмоціональной психологіи, а равно скрылъ и почти всѣ его возраженія, состоящія въ приведеніи текстовъ и иныхъ ясныхъ доказательствъ наличности разныхъ утаиваемыхъ въ критикѣ положеній или противоположности подлиннаго содержанія придуманному въ критикѣ и т. д.—и принужденъ былъ это

сдѣлать, ибо, независимо отъ скандальности подлежащихъ сопоставленій, приведеніе его возраженій исключило бы всякую возможность отвѣта; создавая видъ отвѣта на почвѣ повторенія тѣхъ же подмѣновъ понятій, нельзя же приводить здѣсь же разоблаченія, указанія на подмѣны; замѣняя скверную тему о четырехъ эмоціяхъ пріятною темою о легіонахъ, нельзя же приводить подлинныя возраженія о четырехъ эмоціяхъ; ссылаясь по схемѣ: кошелекъ былъ плохой, на то, что такія-то эмоціи автору слѣдовало бы считать нравственными и потому бланкетными, нельзя же тутъ же приводить напоминаній о множествѣ другихъ эмоцій, о которыхъ нельзя вести даже и такихъ разговоровъ; строя свое оправданіе на томъ, что «это авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ», нельзя же сообщать его возраженій, текстовъ и т. д., касающихся не «другого», а именно центрального мѣста, и проч., и проч. Вмѣсто объясненій и оправданій пришлось бы развѣ повторять: mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa, больше не буду.

Проф. Сергѣевичъ говоритъ о критикѣ его личности и «выпадахъ на него», содержащихся въ моей статьѣ. Это правильно въ томъ смыслѣ, что въ моей статьѣ нѣтъ, какъ въ нормальной научной полемикѣ, обсужденія научныхъ вопросовъ, соображеній въ пользу или противъ такого или иного ихъ рѣшенія, а все дѣло сводится къ вопросамъ личнаго поведенія. Но этотъ, совершенно своеобразный и исключительный, характеръ моей статьи всецѣло опредѣляется столь же исключительнымъ характеромъ того, чему посвящена моя статья. Такъ какъ проф. Сергѣевичъ, не смотря на все свое отрицательно-критическое

усердіе не смогъ найти противъ (подлиннаго) содержанія моей книги ни одного возраженія по существу и построилъ всю свою «критику» на литературныхъ злоупотребленіяхъ, то и для меня не было повода и матеріала для какихъ-либо научныхъ споровъ въ нормальномъ смыслѣ слова, а пришлось исключительно обнаруживать природу его полемическихъ приемовъ, и, въ виду совершенно исключительной природы этихъ приемовъ, моя статья получила характеръ сплошной «критики личности» и даже исключительной по своему значенію для характеристики и оцѣнки личности критики. Но здѣсь можно сказать, что это изображеніе своей личности въ соответственномъ свѣтѣ устроилъ себѣ самъ проф. Сергѣевичъ. И это онъ сдѣлалъ въ такой ясной и поразительной формѣ, что для постороннихъ читателей, знакомыхъ съ моими ученіями, уже до моей статьи все было ясно и извѣстно (какъ это мнѣ и сообщалось нѣкоторыми друзьями и учениками, настаивавшими все-таки на томъ, чтобы я отвѣтилъ, въ виду того, что многія третьи лица повѣрили изображенію проф. Сергѣевича). Достаточно было простого сопоставленія съ подлинникомъ, и не нужно было особыхъ объясненій.

Поскольку же проф. Сергѣевичъ, говоря о критикѣ личности и выпадахъ, хочетъ этимъ сказать, что къ моему, соответствующему природѣ его критики, разъясненію этой природы, въ моей статьѣ добавлено что-то лишнее, не вытекающее изъ существа дѣла и имѣющее характеръ приуроченныхъ къ дѣлу выходокъ противъ личности, то это неправильно. Такихъ постороннихъ и не вытекающихъ изъ существа дѣла выходокъ, хотя бы въ родѣ тѣхъ, которыми переполнены поле-

миги-памфлеты проф. Сергѣевича, начиная съ придуманныхъ имъ для противника ироническихъ титуловъ «нашъ философъ» и т. п., у меня нѣтъ. Мало того, въ моей статьѣ въ «Журналѣ Мин. Юстиціи» систематически проводится смягченіе квалификацій, отступленіе отъ существа дѣла, но не во вредъ, а въ пользу проф. Сергѣевича.

Моя статья пестритъ выраженіями «неправильное сообщеніе», «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности» и т. п., но все это смягченныя квалификаціи, вмѣсто техническихъ названій, болѣе краткихъ и болѣе соотвѣтствующихъ природѣ фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь и проч. Между прочимъ, однимъ изъ такихъ смягченій, сдѣланныхъ путемъ замѣны бывшаго въ первоначальной рукописи выраженія, проф. Сергѣевичъ воспользовался, какъ цѣнною находкою, въ своемъ введеніи къ отвѣту и разныхъ другихъ мѣстахъ своего отвѣта. А именно, помѣщенное въ моей статьѣ на стр. 157 въ скобкахъ замѣчаніе «не обидно ли послѣ этого читать упорные упреки и язвительныя замѣчанія по поводу того, что я замыкаюсь въ предѣлахъ собственной психики и ничего иного знать не хочу, что моя теорія основана исключительно на интроспективномъ методѣ!» первоначально, въ рукописи начиналось словами: «не возмутительно ли» (изъ приводимыхъ въ данномъ мѣстѣ рядовъ фактовъ виденъ поразительный съ этической точки зрѣнія характеръ упрековъ и насмѣшекъ проф. Сергѣевича). Но потомъ я счелъ нужнымъ вычеркнуть это рѣзкое проявленіе нравственнаго порицанія и замѣнить его возможно болѣе безобиднымъ для проф. Сергѣевича выраженіемъ и помѣстилъ въ качествѣ такового «не обидно ли»...

Этимъ благопріятнымъ случаемъ проф. Сергѣевичъ воспользовался въ качествѣ средства дискредитированія моей статьи, поставилъ перепечатку подлежащихъ словъ во главѣ своего отвѣта, приурочилъ къ нимъ длинное разсужденіе о допустимости и безобидности разныхъ взглядовъ въ наукѣ и т. д. и повторяетъ дальше намеки на личное раздраженіе.

Конечно, въ основѣ моей первой и настоящей статьи лежитъ не чувство личной обиды. Если бы дѣло шло о какихъ-либо мелкихъ личныхъ чувствахъ и мотивахъ, то скорѣе могла бы быть рѣчь объ удовольствіи и триумфѣ, чѣмъ объ обиженности. Ибо такая критика, которая всецѣло основана на литературныхъ злоупотребленіяхъ, т. е. бессильна найти какое-либо, сколько-нибудь сносное, возраженіе противъ какой-либо части подлиннаго содержанія книги, представляетъ такъ сказать комплиментъ по адресу критикуемой книги, означаетъ невольное преклоненіе предъ нею. А такъ какъ это было легко обнаружить, то инцидентъ съ личной точки зрѣнія имѣетъ характеръ доставленія легкой возможности литературнаго триумфа. Но въ дѣйствительности, конечно, дѣло идетъ не о такихъ мелкихъ личныхъ удовольствіяхъ, какъ и не о противоположныхъ, выставляемыхъ проф. Сергѣевичемъ, чувствахъ неудовольствія и личной обиженности, а о тягостной въ данномъ случаѣ обязанности выясненія истины изъ-за литературной этики.

Дѣйствительно, моя первая статья и въ тѣмъ болѣе ясной и рѣшительной формѣ настоящая статья (и вторая часть моей брошюры, опубликованная впервые тоже послѣ появленія «Отвѣта» проф. Сергѣевича и имѣющая въ виду и

характеръ этого отвѣта) отнюдь не выражаетъ уваженія къ разбираемымъ мною статьямъ проф. Сергѣевича: критической и оправдательной и къ ихъ автору. Но развѣ возможно и допустимо уваженіе и его проявленіе на почвѣ обнаруженія такихъ явленій?

Оно означало бы какую-то личную нравственную тупость и абсолютную нечувствительность, или свидѣтельствовало бы для незнакомыхъ съ ученою средою, что дѣло идетъ о чемъ-то въ этой средѣ естественномъ и обычномъ, не удивляющемъ и не возмущающемъ.

